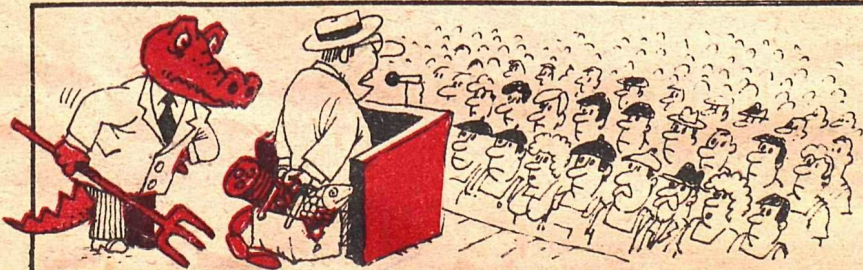

Ю. ЧЕРЕПАНОВ. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

Акция «Отставка» в уральском варианте

М. А. АБРАМОВ,
А. В. АНИКИЕВ,
Ю. Б. БОРИН,
В. Г. ДЕМИН,
О. М. ДМИТРИЕВ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
М. Г. КАЗОВСКИЙ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ
(ответственный секретарь),
Э. И. ПОЛЯНСКИЙ,
В. И. СВИРИДОВ
(зам. главного редактора),
С. С. СПАССКИЙ
(главный художник),
А. А. СУКОНЦЕВ,
Л. Л. ФЛОРЕНТЬЕВ,
А. И. ХОДАНОВ
(зам. главного редактора).

Сдано в набор 11.03.90.
Подписано к печати 16.03.90.
А 00255.
Формат бумаги 70×108¹/₈.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 5 050 000 экз.
(1-й завод: 1—2 449 959).
Зак. № 2011.
Цена 30 коп.

НАШ АДРЕС: 101455,
ГСП-4, Москва,
Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

© Издательство ЦК КПСС
«Правда».
«Крокодил». 1990.

АРЕНДАТОРЫ И АГРОПРОМ

О том, как тяжело приходится арендаторам в условиях внутрихозяйственной аренды, рассказывалось в фельетоне Д. Семеника «Фермер на фоне бюрократизма» (№ 33, 1989 г.). Редакция получила официальный ответ из Мособлагропрома.

«Мособлагропром, — пишет зам. председателя комитета И. Скворцов, — внимательно рассмотрел фельетон «Фермер на фоне бюрократизма»... и сообщает, что в нем справедливо отмечаются недостатки в организации и внедрении арендных отношений в ряде хозяйств области. В настоящее время аппаратом комитета совместно с руководителями агрокомбинатов, объединений, совхозов и колхозов и других сельскохозяйственных предприятий и организаций принимаются меры по устранению имеющихся недостатков в этой важной работе».

Далее тов. Скворцов сообщает о том, как разрешилась конкретная проблема, приведенная в фельетоне. Совхоз «Красный луч» заключил договор с бригадой З. Янакаева на арендный подряд по откорму бычков к взаим-

ному удовлетворению обеих сторон.

В заключение И. Скворцов заверяет, что «Мособлагропром вопросы развития арендных отношений на селе держит под постоянным контролем».

Постоянный контроль — это, безусловно, хорошо. Но еще лучше — широкое развитие арендных отношений на селе, серьезная поддержка инициативы крестьян. Именно поддержка так не хватает инициативным людям, о чем говорилось на недавнем учредительном съезде Союза арендаторов.

БУДЕМ С МЫЛОМ?

Как решить проблему дефицита мыла и стиральных порошков? Разумеется, с помощью валюты! Так, во всяком случае, предполагает наше правительство, о чем говорилось в заметке «Валюту — на мыло!» (№ 24, 1989 г.).

На заметку пришел официальный ответ из Бюро Совета Министров СССР по химическому комплексу. Первый заместитель председателя Бюро А. Петров сообщает

о том, как росло производство мыла и СМС за четыре года нынешней пятилетки, и о том, что «объем поставок в 1989 году синтетических моющих средств и мыла в торговлю и для промышленного потребления, с учетом закупок их по импорту, увеличился на 38%, в том числе поставки для продажи населению возросли в среднем в 1,5 раза».

Словом, уже к концу прошлого года мыльная проблема была в основном решена. Причем, как пишет тов. Петров, «в выполнении намеченных мероприятий было задействовано 19 министерств и ведомств, более 300 предприятий. На 1 января 1990 года созданы запасы СМС, превышающие их уровень на 10 апреля 1989 г. в 3 раза, что создало реальные предпосылки для отмены талонов, введенных в отдельных регионах страны».

Как говорится, приятно слышать. Правда, не совсем ясно, почему эта мыльно-порошковая проблема возникла, если, как утверждается в официальном ответе, производство СМС и мыла неуклонно росло и расширялось.

А впрочем, рост производства отечественных моющих средств позволяет надеяться, что меньше будет тратиться валюты на импортные мыльные закупки.

О. ТЕСЛЕР, М. ВАЙСБОРД (тема).

ПО ТОМУ ЖЕ ПОВОДУ

ГОРДИЕВ УЗЕЛ В ПОЛОСЕ ОТЧУЖДЕНИЯ

В первом номере за этот год мы напечатали рейд «В полосе отчуждения». Помимо прочего, шла в нем речь о грузах, хозяева которых не торопятся взять свое имущество или начисто отказываются от него. В числе грузов были названы вездеход, вертолет, автопогрузчики и прочее добро.

И сразу же редакция стала одолевать звонками: «Хотим купить!»

Увы, оказывается, по своему уставу железнодорожники не имеют права продавать перевозимые грузы. Правда, если получатель отказывается от них или его невозможно найти, тогда можно. Однако на это железнодорожники идут неохотно. Во-первых, хлопотно. Надо получить разрешение свыше, собрать комиссию для оценки... Во-вторых, рискованно. Оценка производится по госцене, а груз порой был приобретен по договорной.

Был однажды случай: продали беспризорную хурму. Но потом объявился хозяин и предъявил счет. Оказалось, он купил груз по договорной цене. И разница составила много ни мало — 45 тысяч рублей. Пришлось Московской дороге раскошелиться.

Обжегшись на молоке, железнодорожники теперь дуют на воду — всеми силами пытаются найти получателя и заставить его взять груз, предварительно заплатив штраф за его хранение.

Результат всего этого плачевный — грузы лежат на складе, занимают место, а вагоны выгружать некуда. Впрочем, можем привести и другой факт. В январе этого года железнодорожники решили переадресовать в Рязань рефрижераторы с мясом, долго простаивающие в Ленинграде. Ленинградцы

всполошились, отцы города рефрижераторы немедленно разгрузили.

Словом, идея, высказанная в рейде, о том, чтобы невостребованные грузы продавать с аукциона, вполне актуальна. Однако требует усовершенствования. Есть предложение: установить срок, по истечении которого продавать залежалый груз. Чтобы заинтересовать железнодорожников, часть вырученной суммы отдавать коллективу станции.

Это информация для размышления власти предрержащим. Ибо только Совмин СССР может разрубить этот гордиев узел, а точнее, заставить получателя ответственно относиться к выгрузке вагонов. Сейчас же создавать склады на колесках получателю по-прежнему выгодно. За хранение деньги идут не из личного, а из государственного кармана. А груз лежит в целости.

Николай САМОХВАЛОВ, специальный корреспондент Крокодила

ВИННЫЙ БУНТ?

Как это было в Свердловске

Казалось, это было аксиомой: партийный аппарат нерушим, как скала, поскольку опирается на всенародную поддержку. Монолитные дворцы на центральных площадях стояли незбылемо. Их железобетонные углы обтекали критика и очистительные ветры. Но вот вдруг вихри перемен ударили в дубовые двери обкомов и горкомов в Волгограде и в Тюмени, в Чернигове и в Харькове... Дошел вихрь и до Свердловска.

Если с непривычки тяпнуть малость «Московской» уральской розлива, тут же осатанело полезешь на стенку. А странные трезвые свердловчане наоборот: поперли на стену, потому что им не перепало одурманивающего зелья. Едва-едва выдержали бетонные своды атакуемого гастронома. А еще обесцененные буйным градусом уральцы разгульно поломали трамвайное движение и предновогоднюю негу местного руководства.

Рождественский феерический митинг свердловчан возле центрального гастронома скорые репортеры преподнесли стране как винный бунт.

Что за пристрастие к преувеличениям! Да, стихийное давление на прилавки и милицию присутствовало, горячие речи для сугрева на морозе тоже имели место. Но бунт? Как говорится, горела солома, пушки молчали. Чтобы кующий оружие Урал поднял руку круче, чем для голосования? Нет, не тот народ.

— Поднатужься, рабочий мускул! — слышали уральцы. — Светлое солнце не за горами!

Люди чистосердечно верили и не заглядывали за горы.

— Мы дождемся, — кивали. — Мы железные!

Урал — опорный край державы. Сюда Сталин ссылал раскулаченных — тех, кто умел работать. Даешь Магнитку! Даешь Уралмаш! И они давали. Домны и мартены. Сами хлебали ковшиком воду.

Уральские горы нарядили в мрамор лучшее в мире метро. Магнитогорцы, челябинцы, свердловчане ютились в бараках и землянках.

— Потерпите! — взывали к ним. И безропотно подтягивался в очередной раз Каменный пояс.

Когда верхисетский литейщик Иван Козырев перелазил в благоустроенный дом, об этом выдающемся событии восторженный поэт возвестил всему свету.

Этот дом, 1928 года рождения, до сих пор лучший в рабочих кварталах.

Урал варит для страны сталь, чугун; себе оставляет дымы. Магнитогорск и Нижний Тагил кажутся люльками, подвешенными к небесам широкими серыми лентами. Дымные достижения вдохновенно воспевали лирики, чадающими трубами украшались обложки журналов. Лично уральцы чихают на достижения. Не от гордыни — по необходимости. Носы продувают. Посредством платка уральцы добывают цинк и алюминий.

«Ничего, не дрогнем. Мы — железные».

Одной из первых в стране родилась Белоярская АЭС под Свердловском. Первый атомный взрыв ахнул возле уральского Кыштыма. Подземный цех жаворонком взлетел в небо. После этого бульдозерами сметались ядовитая пыль и деревья. Окрестные жители чахли на глазах физически, но крепчали морально. Никаких демонстраций — даже во сне. Ночью жене шелпуч-в ухо: «Мы перегоним!» Минэнерго не совсем поняло шепот и замыслило около Челябинска новую атомную штучку.

Токсичные ветры чередовались с административными ураганами. Урал — кузница негнбимых руководящих сил. Предвидя неотвратимый взлет, областные вожди смело берут повышенные необязательства, загоняют в тулик встречные планы. Один такой орел номенклатуры хрущевской поры раструбил: горному Среднему Уралу пустяк пустяком выпечь два плана по мясу. Зарезав дойных коров и молочных телят, вознесся в столицу трескать бифштексы и отбивные.

Другое дело — нынешние власти. На встрече с избирателями и первый секретарь обкома КПСС Л. Бобыкин, и председатель облисполкома В. Лясков обещали уральцам золотые горы и молочные водопады. А народ — попала вожжа под хвост! — возьми и не избери руководителей в народные депутаты СССР.

Уж как потом сожалели о промашке: руководители как ни в чем не бывало сидят на месте, а товары совсем ты-тю.

Свердловский обком выше ЦК: выстроил себе небоскреб в 23 этажа.

Покладистые уральцы благоговейно взирали на указующий перст в центре города и раскинувшийся рядом, на месте архитектурных памятников, жилмассив невиданной планировки — «дворянское гнездо» (кажется, прежние дворяне до двух туалетов не допрыгнули!). Одним высокие потолки, другим — возвышенные идеалы. Второй год заваливаются набок планы по жилью и строительству объектов соцкультбыта.

Монументален Дом политического просвещения. Детские учреждения — в развалахах. То и дело обновляются внешне магазины — прилавки Свердловска не отягчают свыше 5 тысяч товаров.

А что уральцы? Чем меньше товаров, тем больше веры в грядущее изобилие. Даже когда из центральных фондов недопоставили в конце года продовольствия аж на 15 миллионов, свердловчане возмутились без шума. «Братья! — заскреблись весьма лояльно и скромно у порога плодородных краев. — Вы что ж это? Перегрелись под южным солнцем? Почто не выполняете обязательств? Лично мы, уральцы, невзирая на трудности, куем железки на все сто процентов и выше. Проявите и вы рабоче-крестьянскую сознательность. Или считаете, что бесплахотный Средний Урал вместо свинины должен кормить свои пять миллионов жителей сталелитейными чушками?!»

В ответ свердловчане слышат: хотите есть — окажите честь. Планами сыт не будешь, сейчас в моде товарообмен. Мы вам — вы нам.

А что менять свердловчанам? Медь? Алюминий? Шагающие экскаваторы? Так на всю эту продукцию госзаказ как госприказ. «Будет ли на нашей улице праздник?» — думали уральцы, созерцая на обеденном столе талоны на колбасы.

И тут как тут праздник — Новый год, брызги шампанского!

На брызги в столице Среднего Урала выдали талоны. И опять без отоваривания. Энергично включившись в антиалкогольную кампанию, свердловские руководители проявили себя святее папы римского. Беспечно раскурочили отлаженное производство, закинули в лопухи импортные пивные танки, приобретенные за валюту. Магазины, торгующие спиртным, сократили до раз, два и обчелся. Сначала заводские бригады с утра командировали одного в очередь, выполняя норму за того парня. Потом движение «меньшим числом то же качество» завяло: скоростной не оборачивался в одну смену.

Под Новый год в городе возникло необычайное перемещение: окраина, думая, что жиреет центр, мчала туда, центральные страждущие, взмахивая талонами, прочесывали окраины. Когда та и другая стороны сосредоточились возле пустого центрального гастронома, получилось столпотворение. Согревательные речи. Колкие реплики в адрес городского и областного руководства. Каверзные вопросы: как шагать в светлое завтра без одежды?

Власти ушам не верили: несанкционированный митинг? И это авангардный класс? Позор выше гор! Они, власти, тоже ничего не покупают в магазинах, но ведь не ораторствуют на площади. Что привозят домой к празднику, тому и рады.

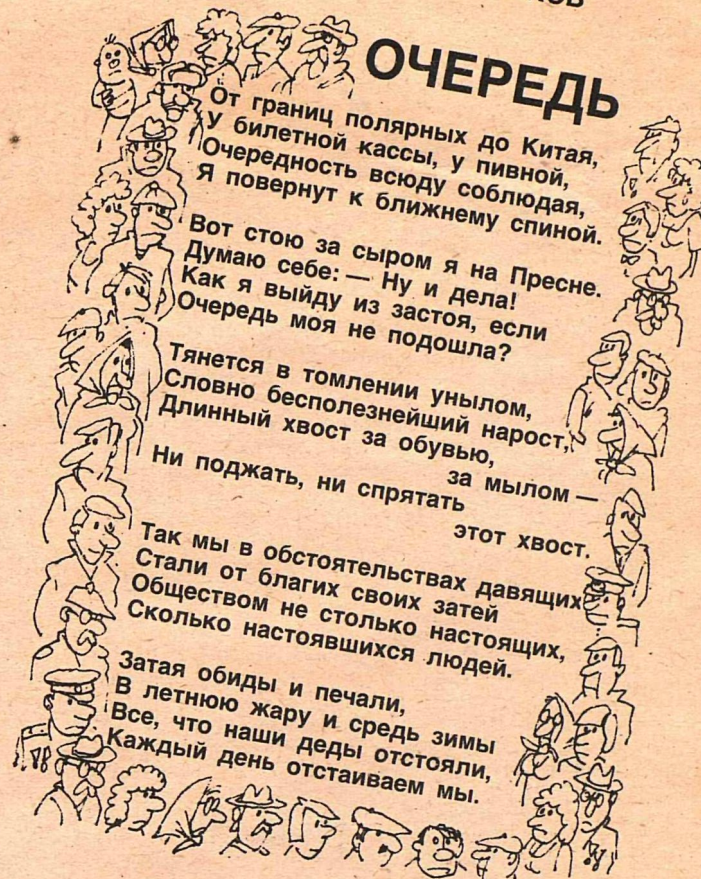
На другой же день — бюро горкома, а затем и обкома. Внеочередные пленумы, заседания.

Свердловчане снегом протирали глаза. На прилавках — новогодняя сказка. «Советское шампанское» и уральская «Московская». Без талонов и очередей. Пей без перерыва на обед. Непривычные к изобилию уральцы испуганно обходили гастрономы стороной. Правильно сделали, что сэкономили деньги. Потому как скоро появились индийский чай, растворимый кофе, съедобные конфеты. А в универмаге — песцовые да собольи шапки, мутоновые дохи. Наряжайтесь, фрезеровщицы и шлифовщицы, и — скорее к станку! Некогда: на улице выбросили финские сапоги! Жарко было уральцам и уралкам в тридцатиградусный мороз.

Откуда все? Не от верблюда. Пощипали соседей. А еще народный контроль, работники ОБХСС пошу-

Виктор ГОРШКОВ

ОЧЕРЕДЬ

ровали базы и подсобки магазинов. Почти в пятистах магазинах лучший товар содержался в самых скромных углах. Более 900 предприятий торговли мало радели об этой самой торговле.

Упаси бог, чтобы контролеры и правохрана взяли скресты значки регулярно. Пообморозятся уральцы!

Почему набухла конфликтная ситуация — в духе гласности анализировали по радио и телевидению свердловские руководители. Гласность в основном мутузила центральные власти. Своих промахов руководители касались бегло. С большими потерями прошла в области битва за урожай. С блеском провален ввод новых и реконструируемых предприятий переработки. Отнюдь не в тепличных условиях оказалось строительство тепличного комбината. В свое время прозвучало кустистое заверение: чем-чем, а уж капустой и морковью мы прилавки насытим. Хоть засолились! И при этом размашисто сократили посевные площади овощей. И вот плоды: за капустой поехали в Донецк, за морковкой — в Среднюю Азию.

Еще гремели трибунные речи, а торговля уже опять затихла. Выяснилось, что в горячке съели то, что предназначалось другим декадам. Снова нечем было отоваривать даже ветеранские карточки. И тогда партийное руководство вспомнило о мобилизующем слове. Лучшие ораторы вплоть до секретарей обкома ушли в цеха и студенческие аудитории. Они проникновенно старались убедить: многотрудности объективны и уличными митингами их не одолеть.

А уральцы уже и сами раскаялись. Бес и мороз попутали в рождественскую пору. Пошиковали неделю, теперь зубы на полку. Ломай головы до треска: как самообслужиться провиантом и товарами?

И вот ахнула страна: тагильчане сплавляли на сторону колонну боевых танков, прикрытых соломой.

Недостойно, конечно, танками затыкать прорехи. Это тагильчане поняли сразу, как только узнали, куда ловкие московские кооператоры-дельцы и их высокие покровители нацелились направить гусеницы. Думали пополнить карман заводчан, а вышло вон как... Устыдившись, люди повернули головы в сторону указующего перста: как жить-быть, что есть-пить?

А перст знай себе шлифует ораторское искусство на трибуне — успокаивает.

Ну, не выдержал рабочий люд. Сам указал указующему персту: «Долой!»

Руководитель обкома Л. Бобыкин спешно и добровольно попросился в отставку. А взгоряченным уральцам уж и того мало: возжелали дельных голов, способных наладить житье-бытье. Потребовали осадить высокомерно вознесшиеся к небу указующие цитадели и дать крыльях затюканной народной власти.

Но опять же без всяких пенитенских бунтов. Просто-напросто слегка стукнули в цехах по оцинкованному столу железным кулаком.

г. Свердловск.

ПОМИДОР ПОД ЗАПРЕТОМ

Из города Стрежевого Томской области прислал в «Крокодил» письмо читатель А. Молитвин: «Уважаемая редакция! Не так давно я заказывал переговоры и наткнулся на столике вот на этот обрывок черновика телеграммы. Посылаю его вам»...

Переведа телеграфный текст на общедоступный язык, мы прочли следующее: «...Здесь все едят, вези любую гадость. Купят и спасибо скажут. Шибко гнилое только не надо, не доедет. Рафика».

Письмо и телеграмму согласился прокомментировать рабочий-газозлектросварщик из того же сибирского городка Стрежевого народный депутат СССР Николай Петрович БЕЛОУС:

— Думаю, что «Крокодил» привлекла в телеграмме не странная стилистика, а вопиющая суть ее... И, можете себе представить, тут все — правда. К нашему несчастью. Да, у нас южане торгуют очень интенсивно. И в принципе чем больше их будет, тем, наверное, лучше. Но вся беда в том, что они пока монополисты! Кроме них-то, мало кто чем торгует сегодня... И вакуум товарный, если его не заполняют те, кто должен это делать — госторговля, потребкооперация, — моментально заполняется спекулянтами, перекупщиками и разными процелыгами. Это ж законы рынка. И никаким запретительством тут не поможешь.

— Но что-то же все-таки делается в области? Или все подчистую отдано на откуп спекулянтам?

— Понемногу пытаемся... Как говорится, на спекулянта, на заезжего торговца надеяться, а сам не плошай. Мы в Стрежевом пробуем не плошать: в прошлом году у нас уже было около 4000 личных подсобных хозяйств, на которых люди выращивают овощи, ягоды, кто что. Видел я у них и клубнику, и лук, и редиску, и картофель, но... Но как же трудно у нас это дело идет! Сколько еще непонимания, препятствий, палок в колеса! Вот самый свежий пример. Есть в Стрежевом беспокойный мужичок, бывший работник объединения «Томскнефть», трудяга, мастер на все руки В. И. Хабибов. Загорелся он идеей — помочь людям с продовольствием, овощами. Видит же, как с этим делом скверно. И вот однажды на крыше одной из городских контор он своими руками и, естественно, на свои средства соорудил теплицу, где получал буквально за один год до 300 килограммов помидоров! Вот они, красавцы, на фотографии.

Отдавал он их по госцене (!) в местную столовую. И настолько увлекся этой идеей (зная, что вопрос этот необычайно острый для нашей Томской области), что, как говорится, на свой страх и риск снова вложил личные сбережения и стал переоборудовать под теплицу и подвал той же конторы. Причем была у него на то устная договоренность с руководством управления капремонта скважин объединения «Томскнефть», которое на первых порах его поддерживало: рабочие этого управления ведь тоже пользовались местной столовой. Ну... строительство, естественно, затянулось, так как держалось оно лишь на инициативе самого Хабибова. Кончились у него деньги, поостыло руководство управления, уменьшилось и желание ему помогать. Хотя странно: казалось бы, должны были быть заинтересованными в улучшении снабжения своих же рабочих, но... Ему сказали: «Ты или

Такая вот открывается новая рубрика. В эту приемную мы собираемся весьма любезно приглашать того или иного народного депутата для диалога, а точнее — для ответа на крокодильский запрос. Это если употребить парламентские выражения. А запрос этот будет не только нашим, но и вашим, читатель. Как говорится, и нашим, и вашим...

Схема работы предполагается такая. Вы пишете нам письмо, требующее отклика депутата, мы знакомим его с этим письмом, а депутат, если сочтет возможным, отвечает.

И запросы, и ответы мы, естественно, будем публиковать. Может быть, иногда с нашей парламентской поправкой. И, уж само собой, проблемы в обращениях ваших к депутату, читатель, должны быть соразмерны деятельности народного избранника, то есть крайне желательно, чтоб были это не одни только жалобы на конкретную протекающую отдельно взятую крышу либо на простаивающий не один год лифт (что само по себе, конечно, важно), но все-таки и нечто принципиальное, волнующее сразу многих читающих журнал. Договорились?

Итак, приглашаем вас, дорогой читатель, к общественно значимой переписке, а депутата — к ответу на нее.

кончай эту свою затею, или мы все это вырежем, выбросим». Дошло дело до конфликта, в результате чего он послал властям города письмо, в котором объявил голодовку с 20 декабря прошлого года... Спустя некоторое время, правда, мне удалось уговорить его прекратить голодать под мое честное слово депутата помочь ему...

Ну, не безобразия?! Вместо того чтобы всячески поощрять таких мужичков, лелеять их, помогать и как-то стимулировать — такая глухая стена неприятия! Я сейчас, кстати, занимаюсь его судьбой, стучусь во все двери руководящие — и в Москве, в министерстве, и в области... Как примитивный толкач.

— Так что же, Николай Петрович, неужто так все время и будем биться во все двери, пока не разобьемся вконец? Или, по-вашему, надо что-то в корне менять? И где те, кто по должности обязан это делать?

— Именно в корне! Потому что система, которая призвана этим заниматься, видимо, изжила себя. Меня просто удивляет: почему эти заезжие торговцы умеют вывезти свою продукцию за тысячи верст (как-то договариваются и с транспортом, и с грузчиками), а наши государственные органы, получающие за это зарплату, в том числе, казалось бы, специально для этих целей созданная потребкооперация — не в состоянии?! Не способна абсолютно. А на что же она, интересно, способна? Чем, как вы думаете, сейчас она занимается в том же Стрежевом? Продает населению... козюльки. Выгодно и просто! И никаких излишних забот. А логика-то опять та же, что и у Рафика: все купят — ничего же другого нету...

И тут запретами ничего не решить. Надо, чтобы стало выгодно заниматься снабжением населения овощами, прочими продуктами. Я считаю, мы должны

поскорее вступить в договорные отношения с республиками, где, выкладывая определенные деньги, наращивая промышленный потенциал, будем строить комплексы по заготовке, переработке продукции, которую затем можно и в зимнее время доставлять, в частности, и на север Томской области. Спрашивается: почему наши жители платят бешеные деньги и берут любой продукт, в том числе и гнилье, о котором бесстыдно идет речь в телеграмме этого ловкача? Потому что в магазинах ничего нет. Ведь до чего надо довести народ, чтоб спекулянт был на все сто процентов уверен, что сегодня сибиряк все съест, что ни дашь! Больно за наших людей, тружеников, живущих в таких суровых условиях. А ведь, я помню, было время — и не обязательно в день выборов, — когда в нашем поселке мы и ананасы ели, правда, свежемороженые, но — ананасы! А совсем не «любую гадость».

Пригласил депутата в приемную
Григорий КРОШИН.

ЧИТАТЕЛЬ ВЗВОЛНОВАН

ДОЛЖНЫ ВИДЕТЬ ЧЕЛОВЕКА...

К несчастью и позору, долгие годы в нашей жизни многое было поставлено вопреки здравому смыслу с ног на голову. Свой вклад в своеобразную копилку дураков внес, на мой взгляд, и ВЦСПС. Инструкцией, регулирующей порядок оплаты больничных листов. С этой инструкцией меня свел случай — сломал ногу.

Я рождения 1931 года. С 1975 года работаю инженером-конструктором в симферопольском отделении «УкрстройНИИпроект». Веду здоровый образ жизни: каждый день — зарядка, бег, контрастный душ... Не пью, не курю, увлекаюсь туризмом... Короче — за 33 года непрерывного трудового стажа на больничном был буквально считанные дни.

...В то злополучное воскресенье, играя за городом с товарищами и семьей в футбол, получил травму — перелом костей стопы.

В понедельник обратился в травмопункт 6-й горбольницы. Целый день ушел здесь на ожидание очереди к врачу, рентген, наложение гипса... Поскольку травма бытовая, врач, согласно инструкции ВЦСПС, на первые пять дней выписала мне справку, которая не подлежит оплате, а уже на последующие дни лечения больничных.

Вот ведь как получается: бывает, человек пьет, курит, объедается, часами сидит у телевизора и, естественно, от такого образа жизни часто болеет, но с первого дня и до последнего дня освобождения его от работы и лечения больничных ему оплачивается. Работник, что ведет здоровый образ жизни и не имеет необходимости в постоянных визитах к врачам, впервые в жизни получивший бытовую травму, материально наказывается: инструкция стрижет под одну гребенку всех «бытовиков», не видя конкретного человека.

Совет трудового коллектива, профкомы на местах, подсказывает здравый смысл, должны быть вольны решать «кого судить,

а кого миловать»: кто должен быть в таких случаях наказан, а кто и прощен — за здоровый образ жизни и больший трудовой вклад в общее дело.

В. КАПУСТЯН,
г. Симферополь.

ПОБЫВАЛ Я У ДЕДА...

Крокодил! Пишет тебе не Ванька Жуков, а Иван Иванович Жуков. Шахтер.

Побывал я в гостях у деда, в поселке Дрожжинск Красногорского района Брянской области. В центре этого поселка бригадир распорядился сделать навозную базу... Уничтожены фруктовые сады, один из которых посажен юношей, сложившим в 17 лет голову на поле войны. Именами таких улицы называются. А там вместо памяти кучи выворотней.

Протекает речка; несколько лет назад солдаты насыпали дамбу, а распорядиться насчет моста некому, и гибнут люди и лошади, пытаюсь переправиться на другой берег... Дорожной связи с центром колхоза нет.

Прихватит деда болезнь — хоть на закорках неси его до автобуса, да и нести некому — бабка сама еле живая.

Правда, о ветеранах не забыл председатель сельсовета: на их хаты и халупы выписал таблички с номерами домов и названием улицы аж из Риги. Красотища!

За это воевал мой дед?

И. ЖУКОВ,
г. Донецк.

ВЕРНУТЬ ДОЛГИ ДЕРЕВНЕ...

Я бывший деревенский. Сейчас живу и работаю в городе. Вспоминаю свою деревенскую жизнь, работу за трудовые, ничего на них не получаю... Сейчас мне в городе все условия и продукты по льготам как инвалиду войны. А мои однополчане, живущие в деревне, этих льгот не имеют. Депутаты говорят: вернуть долги деревне, а на деле ничего не делается.

М. ВЫХОДЦЕВ,
г. Красноярск.

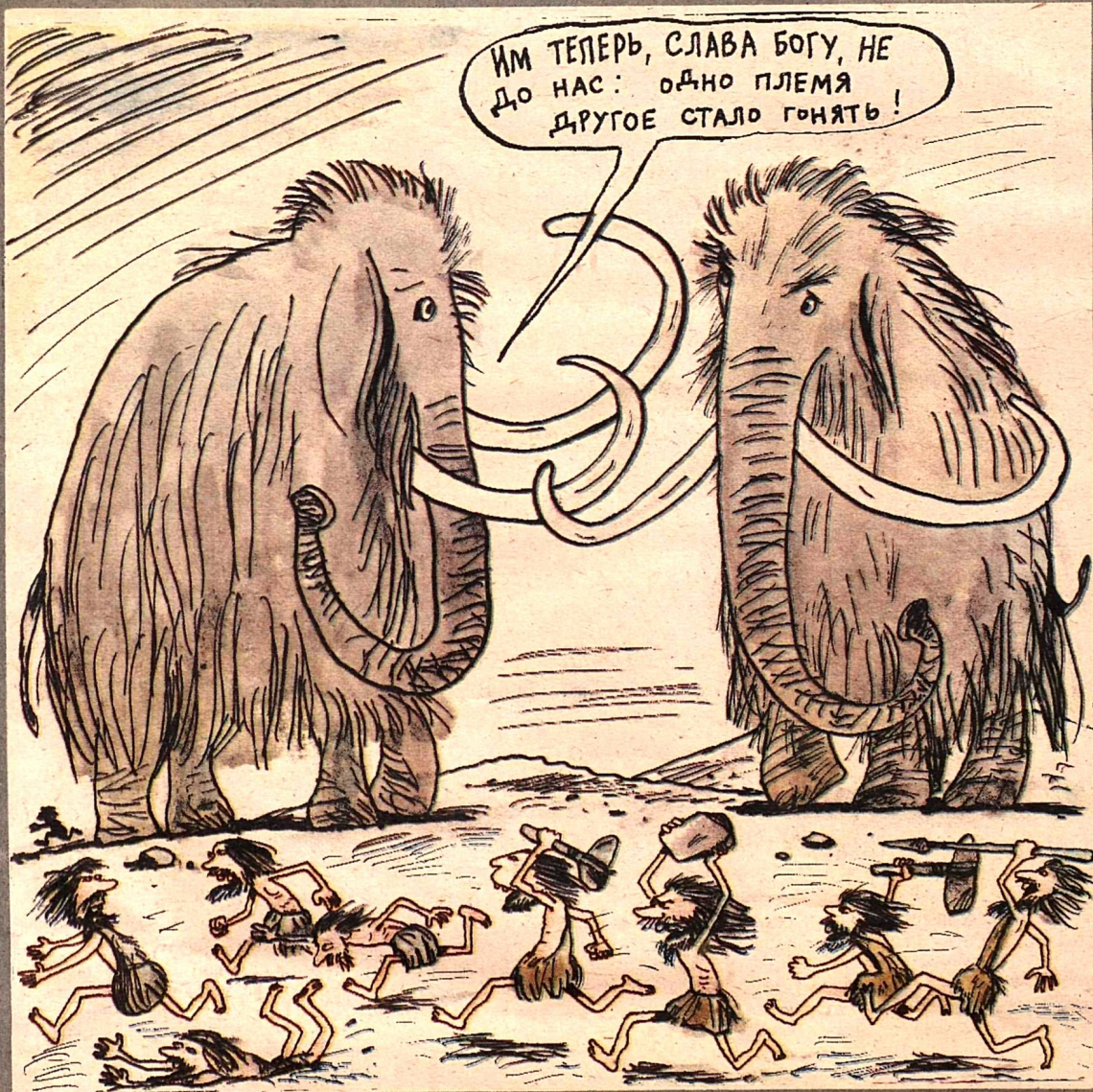
ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Г. и В. КАРАВАЕВЫ. На конкурс «ГЛАЗАМИ ГЛАСНОСТИ».

Т. ЗЕЛЕНЧЕНКО, г. Харьков.

В. ПОЛУХИН, Р. ДРУКМАН (тема).

С. РЕПЬЕВ.

-Бабы подталкиют: ты спроси у него, спроси!.. Может, что у Москве про это слышать?.. Хуть я говорю им: о-о-о, Москва!.. Да мы тут больше понимаем, и правда! Потому что в Москве люди привыкли ждать, пока им что скажут да все объяснят, а мы сами тут про все маракуем, над всем раздумуем, да-а... Хуть тут, правда, не знаешь, что и думать, — вот слушай-ка.

Это тут недалечка, могу тебя даже отвести, чтоб сам все своими, значит, глазами... ну, то, что можно, что можно!.. Мы ж не умеем, как она, Маня. Для нас — забор и забор. Стоит и еще сто лет простоит — у-у, он такой там сделал!

Ну, рядом спокон века: Черновы и Кружавкины. Сперва бабушка Чернова была старшая, а когда померла, то осталась Кружавчиха: ей нонче сильно за восемьдесят.

Не работает уже вон сколько, еще с того года, когда трактор зимой на ферму их вез, а тележка оторвалась да и перевернулась... Тракторист, пьяный, и не заметил, так и побросал их в степу, они все еле отошли, а Варя Беспалова так и не дождалась, замерзла.

Ну, вот она, как ушла тогда с колхоза, Кружавчиха, дак все дома и дома, а Черновы оба еще работали: она ж учительница, а он то в «Сельхозтехнике», то еще гдей-то с машинами... В общем, она всегда дома, а их почти не бывает — вот все время и просили: тетя Маня, поглядывай!.. Ой, ну, пожалуйста, тетя Маня, на другой раз между делом и посмотри?

И когда дети еще маленькие да в школу бегали: да присмотритя — мало кого они приведут да мало что сообразят?.. И в институт дети уехали: опять поглядывай, тетя Маня!.. Мало кто во двор заплетется — а то один раз придем, а у хате нема ничего: все повынесли!

Когда ремонт стала, дак Черновы специально помогли ей окно, которое прям на их дом выходит, пошире сделать — там прям такое теперь окно! Чтоб ей солнце вроде побольше, ну, а на самом деле, ясно усякому: зачем?.. Чтоб лучше двор видать было!

Ну, и поглядывала всегда — соседи, как жишь?!

Как собака загавкает или кто ручкой по калитке ударит — она сразу платок на себя да на порожки: кто там к Евдокии Петровне с Владимир Кузмичем?..

Только машина остановится: кто там?!

И в самом деле, — как сторож!

Ну, и жили ж душа у душу, и друг дружке помогали всегда: она им очередь займет да с кем-либо, что дают, перекажет, а они ей когда что купят, дак и денег не берут, а когда что й привезут: хуть у этой шкорлупции, что друг друга кормит, может, они й не числятся, а все равно ж — хуть какая ж то власть да есть — не то, что у Мани...

Ну, она правда, хорошая, Маня; и независтливая какая, и слова никогда — ни дурного, ни лишнего... Таких соседей токо просить у Господа!

Да и они ж тоже, Черновы: и подельчивые, и не скандальные — простые.

Так и жили. А тут подошел срок, Евдокия Петровна — на пенсию.

Ну, сперва ничего еще: пока дома не привыкла, пока скучала, все с Маней и у забора стояли, и через окошко то перестукивались, то переглядывались.

И потом и он жишь ушел на пенсию: Владимир Кузмич.

Тут дело уже другое: их двое, они свои, живут жишь неплохо, вместе не тесно, им есть и об чем

поговорить, и чем вместе заняться, а я, это Маня говорит, стала у них теперь как наблюдательница какая... недаром жишь — третий лишний.

А понять можно: привыкла ж! Нет, говорит, думаю: давай-ка, подруга, отвыкай!.. Это Маня-то, Маня.

И когда на улице — поменьше к Черновым через забор, и когда у хате — тожить.

Сперва, говорит, занавески на окне поменяла: и тюль купила погуще, и нижнюю раздвижную повыше натянула, а потом, говорит, два больших гвоздика вбила в стенку да еще платок темный шерстяной сверху стала вешать... как у войну!

А все равно жалилась: как собака загавкает, как зашумит кто или у калитки крикнет — раз! — сразу. И платок приподняла, и занавески тут жишь — одну откинула, а другую отодвинула: вотына я! Вотына — на месте! Как по тревоге!

Ну, Евдокия Петровна увидит со двора — когда, говорит, рукой помашет, когда кивнет, а когда уже и отвернется: вроде как не заметит... Вот, скажет, какая любопытная Варвара! Какая настырная...

Уже и прикажу, говорит, себе: не выглядывай, больше не надо, не твое это теперь дело... нет!

Токо, говорит, стукнули, токо грюкнули чем — а я уже как кукушка на часах. Тут жишь выскочила!

Токо что услышала — уже как скворец из своего скворечника... Привычка!

Чтоб не так просто было до занавесок добратся, чего, говорит, только на стол не понаставила: и банки одна на одну, и склянки... А закричали Черновым — кинулась, и постное масло на скатерть пролила — прям лужа!.. И банку с варенным столкнула на пол — как и не было, а варення, говорит, уж такого хорошего сварила — как никогда!

Уже не знала, что и делать: может, кого из родни позвать да гардероб переставить?.. Закрывать уже окно насовсем — ну, что же теперь, да шут с им, с окном, хуть такое широкое да красивое!

Когда однажды Владимир Кузмич подзывает: соседка!.. Тетя Маня!.. Да чи вы не обидитесь?

А в чем дело?

Да решили с Дусей сарай ломать, а это надолго и вид будет некрасивый — ну, прям под вашим окном... Дак мы что хотим?.. Тут мне дали железа на работе, от мы стенку с его сварим и покрасим... Как, вы не против?

Я, говорит, давно уже чего-нибудь такого ждала, а все равно как-то сиротливо да скучно на сердце сделалось... Говорю: да что ж тут такого?.. Каждый у своем дворе — хозяин, что хочет, то и делает, и никто тут ему не запретит.

Он: ну, не обижайтесь на нас!

Она: да нет, что вы, что вы, Владимир Кузмич, — как были всегда, так и останемся!

Ну, позвал жишь от друзей со старой своей работы, сварили стенку с толстого железа... там такая стенка!

Когда Коля мой был да зашли до Мани, и я ему показала, он: ут эта да, так да — прям берлинская!

Ну, так и стали про ее, про эту стенку: берлинская да берлинская.

Вот Маня дальше рассказывает: раз окно они мне закрыли, на земле не видать, тока неба краюшек над железной этой стенкой — как у тюрьме у камере! — посынала лишние занавески, а когда погода, дак стала и энти, что остались, откидывать: чтоб солнышко хуть чуть.

И вот глянула один раз на эту стенку внимательно да так и за-

стыла: да что ж такоича?! Через нее ж все видать!

Н-не совсем, говорит, чтобы уж очень хорошо, а так — как через стекло, когда оно слегка запотеет... Ну, ить видать жишь, ясно видать: обои, говорит, во дворе, она

ла, на эту берлинскую стенку опять глянула: да что ж ты будешь делать?!

Ну, как через обыкновенное стекло: она, говорит, абрикосы с корзинки берет, колет и на фанерку раскладует, а Владимир Кузь-

Тетя Маня, Тарий Неченко ПОГЛЯДЫВАЙ! РАССКАЗ

сидит, Евдокия Петровна, а он стоит коло нее, чтой-то делают, а что — правда, непонятно...

Еще, говорит, пригляделася, еще — и кабут-то тряпочкой кто протер стекло энто: чисто, говорит, видать — ну, так чисто!

Она курицу скубёт, Евдокия Петровна, перья у сапетку бросает. Ха-рошая, говорит, курица — желтая, прям один жир!.. А он курит, Владимир Кузмич, и чтой-то ей доказует, руками машет... И это все — через железо, ты представляешь?.. Через берлинскую эту стенку.

Дак она, бедная, аж слегла, Маня: так, говорит, стало непонятно, — что ж это такое выходит?..

Когда маленько отлыгала, вста-

мич напротив сидит, яблоки над тазиком режет большим ножиком...

Она спугалася — да опять у постель!

И третий раз так жишь, и четвертый, а потом думает: скоко ж можно — у постеле?.. Нет, подруга, привыкать надо!

А куда денешься, и правда?.. Недаром жишь раньше говорили: притерпишься, оно и в аду хорошо.

Долго она терпела, до-олго!.. А потом все же решила поделиться.

Позвала до себя Полю Росликову, у их огороды задами сходятся, да все ей и рассказывает... А Поля — такая там баба — ухо, у-у! Кто ее обманет — три дня не проживет, что ты! И Крым, и Рым, и медные

трубы — все баба видела, все прошла, все на свете знает... А тут токо ладошкой машет: да Господь с тобой, Маня! Да не шути — ну тебя!

Та уже и креститься давай: какие ж говорит, шутки, если я две недели перед этим с постели не вставала?... Зачем бы они?

Пораскинула Поля и говорит тогда: это у тебя такой дефект. Что ж делать? Давай тебя проверять будем. На научность.

Маня: мол, а как это?

Да так, говорит: я к сыну за биноклем схожу и на крыше с им по лестнице заберуся, за трубой спрячуся... У меня, говорит, с крыши их двор — как на ладони!.. А как махну тебе, — это, Поля, — белым платком — начинам наблюденья: я — в бинокль, а ты — через берлинскую стенку. Я все до капельки примечать буду, и ты — тожить: ну, усякую мелочь!

Токо ты, говорит, Маня, не обижайся, когда на себе увидишь бинокль: я ж и за тобою буду приглядывать — чтобы ты с хаты незаметно не выскочила или не высигнула с окна и сверху через берлинскую стенку не подсмотрела — ну, а как жишь?... Раз такой дефект — придется в оба!

День они специально ясный выбрали, солнечный — чтобы у бинокль Поле удобно. Когда уже подуправилися, то ближе к полдню сошлися на меже, а как услышали, что Черновы во дворе загуркотели — Поля сразу на наблюдательный пункт... Маня потом рассказывала: и смех, и грех.

Черновы, говорит, или сразу обратно в хату вернулись, да мне не слыхать, или кудай-то зашли, что Поле с крыши не видно, да токо она платком все не машет и не машет, а все токо на меня у бинокль и смотрит: ну, что ты с ей будешь делать — как будто без бинокля не видела!

Я уж, Маня говорит, и так и сяк, уже неизвестно отчего и волнуясь, а она — ну, глядит и глядит, не оторвется!

Тогда ей Маня руками: мол, слезай давай, раз Черновы у дворе нету!

А она бинокль на шею надела да на голову показывает, а потом кивает и руками разводит: мол, хитренькая!.. Я и так еле залезла да посмотри, солнце, да как печет, не могли, две старые дыры, день другой выдрать!.. Дак теперь уж давай терпеть, а то я, если слезу, обратно уже не поднимуся — так напекло!

Это ж она от нас помоложе, Поля, а если отдельно глянуть: уже за семьдесят!

Долго она потом еще у бинокль на Маню смотрела, а та мучилася, а потом, говорит, вдруг как замашет белой косынкой: пора — не пора, а пошли со двора! Как в жмурках.

Маня, говорит, побежала у хату, глянула тут жишь у окно — а хорошо, говорит, выдать!

Владимир Кузьмич — с топором, мясо на дровосеке рубит, а Евдокия Петровна стоит рядом, куски с-под топора берет, в чашку в большую складывает...

Ну, Поля велела — все, дак я, говорит, и еще напряглася да при-смотрелася: а что ж за мясо?

Да хорошо еще, что он токо начал!

Сперва, говорит, почему-то показало, что кооперативная говядина по четыре двадцать: может, потому что сама давно уже хотела небольшой кусочек купить, а хорошего продавщица все не давала?..

А потом гляжу, говорит: да что это я?... Где у меня глаза — это ж баранина! Глаз нема, в самом деле, — она жишь ляжку за конец держит!

Еще пригляделася, пока он там ее на дровосеке удобней пристраивал: правая!.. Ляжка.

И баран крупный был и вроде не старый — ха-роший такой баран. Овечка — с той бы ляжка поменьше...

Ну, выскочила она во двор, Поле машет, а та дождалася, наконец: глядит и глядит. Увлеклася так, что на Манин двор теперь — никакого внимания!

Заметила, говорит, наконец, в бинокль теперь не стала смотреть, а токо косынкой махнула и поползла вниз... да еле ползет, бедная!.. Я уж, говорит, думала, что сама не слезет — соседей звать придется, сымать...

Когда нет — доковыляла до межи. Давай, говорит, сперва твоё донесенья: что ты видела?

Маня говорит: так и так.

Поля удивилася: я-а!.. Да! — говорит. — Ут эта да — все правильно! Ну, надо жа: и баран не старый, тут без — брешешь. Токо, правда, ляжка не правая — левая!

Давай они сперва спорить да одна перед другой божиться, а потом — Поля: да тю на нас! Как дети...

Чего мы тут разошлись да раскричались, если у меня от жары еще на железной крыше — давленя?! Пойду сейчас до Черновых да спрошу!

Маня аж испугалася: «Поля! — говорит. — Да с какими ж глазами мы будем про это спрашивать?.. Подумают, что мы подглядывали, когда на самом деле — дефект!»

А она: да не бойся!.. С какими глазами, я найду — слава Богу, не такая, как ты, лапша!

Она, и правда, — вот бой дак бой, у-у!..

А находчивая! А смелая! За словом, и правда что, у карман не ползет.

Это ж вот народ совсем отодвинули, чтоб везде сами, а так — да если б кто ее попросил, чи поручил, чи доверил — да она любую вашу шкорлупцыю, а хуть и вашу мафью — еще б у пеленках задушила, уже б мы про ее и забыли!

Да токо кому мы, если прикинуть, нужные?... Токо мешаем везде, да сахарку, когда его нема, просим, да лекарство, когда оно токо начальникам, да крышу починить, когда они себе дворцы строят.

И правда, Бог смерти не дает — болтаемся от-то под ногами!

Ну, обошла ж Поля полквартала, стучит к Черновым в жалитку. Сперва хозяин вышел, а Поля и говорит: да мне б лучше Дусю!

Вышла Дуся.

Дак она и рта не дала ей раскрыть — двумя пальцами кабут-то что сняла с рукава, да й говорит: «Чи крошка от мяса?»

Дуся еще й спасибо сперва сказала: учительница!

Да, это, говорит, Володя рубал сейчас мясо, дак отлетели, а я — рядом, дак — на меня.

А Поля — надо ж какая хитрая! — посмотрела опять на крошку, что в пальцах у ее нету, внимательно так посмотрела и говорит: «Да чи баранина?..»

Евдокия Петровна аж растерялася: «Да, — гворит, — тож откуда вы, тетя Поля, узнали?»

Поля: «Да меня бабушка, покойница, когда я маленькая была, дак учила по крошке узнавать... Это ж с ляжки?»

Та руками сплеснула: и правда — с ляжки!

А Поля опять — у свои пальцы: «Да по-моему, — чи с левой?..»

Евдокия Петровна: да я й внимания не обратила!..

А эта — ухо-то, ухо! — опять глядит: «А ну-ка, побеги, Дуся, или

Володю свово спроси или сама глянь — мне аж интересно!»

Выходит Евдокия Петровна — до-воль-на-ая!

Смеется: «Усе-таки вы, тетя Поля, разучились слегка, — правая была ляжка!»

Ну, представляешь?! От кто, и правда что, — разведчица!..

Но Маня, выходит, через железный забор все-таки лучше видит, чем эта диверсанка — у свой бинокль!

От правда, что дефект, дак дефект — такой бы усем!

Ну, а потом жишь рассказали об этом потихоньку другим бабам: таким, что на ярманку не ходят, — от их и слова лишнего не добьешься... И собралися у Мани. Вроде — и пожалеть ее, и посоветаться.

Я ж там тожить была — медпиво пила... мы с Маней давно!.. И девовали уместе, и потом у коммуне, когда городские эти, что — «товарищи!-все,-товарищи!» — накричатся, а потом до обеда спят, а мы: одна впереди быков идет по колючкам — как через лес!.. И вымокнешь, и какого токо сору за воротник не насыпется. А другая погоняет, сзади, с кнутом, идет — бьет, бьет, пока какой-нибудь из быков не отмахнется хвостом да у глаз как стобанет — стобанет кончиком!

Сидим теперь: поддержать жишь вроде пришли, старые подружки.

Маня глаза, конечно, утирает.

Что ж мне, девчата? — спрашивает. — Была б еще помоложе дак армянам бы хату продала — они у центре хватают, а сама б, может, куда — на другой край... Ну, а в мои-то годы как подумаешь...

Мы поддакуим сидим, вздыхаем, сочувствуем...

От она — опять: ну, и так жить, как я теперь! Представляете, девки? То было — токо на одну хату не глянь: как вечер, так я уже отворачиваюсь и уже не гляжу на ее аж до утра... Как темнеть начинается — уже не смотрю... Это ж сколько часов терплю, особенно зимой, когда и светаёт поздно, и рано смеркается.

Тут я перебила ее, смеюся: дак ты что, Маня, и через стенки у хате видишь?

А она: ну, дак а знаешь, как они раньше боялися, что кто-нибудь к им зайдет?... Как мне приказывали: ты ж поглядывай, тетя Маня, а то кинемся — а хата пустая!.. Я и старалася. Но, бывает жишь: заработаешь, да й лишний раз забудешь поглядеть. Тогда уже давай через стенку: а чи никто там не зашел, пока отвлекалася?..

Тут мы все: Ма-а-аня!.. Да а что ж ты раньше молчала?!

А она: а чего б я — на усю улицу?... Люди просили — я й поглядывала. И через стенку — тожить.

Она-то, и правда, — уж такая добросовестная душа, такая старательная да такая отзывчивая!

Спрашиваем опять: дак а ты — прям через кирпичи?!

А она: ой, да какие они нонче, кирпичи энти! Горе с ими — совсем делать разучились: так и рассыпается у руке. Да и обкладывали они в один кирпич, а не в полтора, а до этого хата была и вообще саманная, вы ж должны помнить...

И совсем другое дело, говорит, это железо, что они теперь у меня заб оконем из него — забор... Вы ж, бабы, видели, какое оно толстое да прочное — прям броня!.. Или это токо с виду, а так — дак уже и железо давно такое, что хуть и некуды?

Кто бы сказал, что так и есть, что железо нонче плохое, дак я б тогда, бабы, хуть бы трошки успокоилася!

О. ХОМЯКОВ

ФАКЕЛ

Но где же пламенный пример? Как нужен он сейчас! Горело слово пионер Огнем священным в нас.

Мы лезли на стену, киркой Крушили камня твердь. Прокляв спасительный покой, Открыто шли на смерть.

Следя маячные огни, Мы шли через межи... Но где же в нынешние дни Отважные мужи?

В глубины мысли непростой Опушен слов замер. Но пуце нужен нам живой Пример!.. Пример!.. Пример!..

г. Одесса.

М. ВЕДИН

КАРЬЕРИСТУ-НЕВЕЖДЕ

Умом не блещет, да и честью не богат. Попал на пост путем изученным. На все вопросы отвечает: «Я солдат!» А добавлять бы надо — необученный.

В. НОЗДРЕВ

ОСТРЫЕ УГЛЫ

Мы равновесие теряем, Бываем взвинченны и злы, Когда в работе замечаем, Как пики, острые углы. Мы терпеливо начинаем Строгать углы и округлять, Но только время зря теряем: Их заостряет жизнь опять.

ПОЭТ-ТЕХНИК

Поэт! Ты дом срубил надежный. В нем строчки-бревна — красота! Его разрушить невозможно. А в доме что же? —

Пустота.

В. ГРИБАНОВ

МОДНИЦА

Розою цветет девица: Черноброва, белолица, Щеки алые горят, Очаровывая взгляд. Но... лицо платком прикрыла, Челку к векам опустила, Отхватила русы косы Моды легкая рука, — И... торчит лишь клювик носа Из скворечника платка.

Чувашская АССР.

ОТСТРЕЛ

Охотничья история о хозрасчете и самофинансировании

Вы повести забавней не прочтете,
Чем повесть о советском хозрасчете.
Фольклор конца XX века.

Эта история стара, как незатейливая детская считалка: «Раз, два, три, четыре, пять! Вышел зайчик погулять. Вдруг охотник выбегает, прямо в зайчика стреляет. Пиф-паф...»

Хотя элемент новизны имеется. В виде закона о госпредприятии, хозяйственной самостоятельности, самофинансировании и самокупаемости. Эти неологизмы, как молодое вино, кружат головы хозяйственникам, пробуждают в них красивую мечту о хозрасчете, прибылях и личной заинтересованности трудящихся. Находятся даже совсем уж наивные люди, воспринимающие модную фразеологию всерьез и, опьяненные ее сладостным духом, решающие пуститься во все тяжкие. Прольем же слезу над незавидной судьбой вперед бегущих! Ибо, по неумолимым законам административной считалки, превращаются они в тех самых бедных зайчиков, которых «пиф-паф, ой-ой-ой...»

Итак, жил-был один такой охотник до новых производственных отношений. По иронии судьбы — профессиональный охотник, точнее директор государственного охотничьего хозяйства (ГОХ) «Гавриловское» Владимир Степанович Щербак. Дело, надо пояснить, происходит в степи под Херсоном, где, как поется в песне, «высокие травы». Кроме того, там немножко лесных угодий, балки, овражки и кустарник вдоль живописного берега Каспийского моря. И по всей этой территории в 90 тысяч гектаров бродят 1200 благородных оленей, около 200 кабанчиков, до 400 голов косули. Зайцы бегают тысяч пять, лисицы шляются, барсуки, порхают фазаны и куропатки. Вся эта бегающая, прыгающая и летающая живность требует присмотра, ухода, подкормки, защиты. И в то же время — регулярного отстрела, чтобы число четвероногих и пернатых обитателей херсонских степей не превышало биологическую мощность территории.

Вот для этих целей и существует ГОХ «Гавриловское» с егерями, охотоведами и кое-какой незамысловатой техникой, как-то: легковой уазик, УАЗ типа «автобус» и старенький вездеход ГАЗ-66. Весь штат хозяйства, включая директора, составляет 13 человек. Но, как и положено у нас, эта чертова дюжина не оставлена без присмотра, без выше- и высокостоящих организаций. Перво-наперво есть производственное объединение (ПО) «Херсонлес», затем Минлесхоз Украины и, наконец, Госкомлес СССР. Опекуны тщательно следят, по каким статьям расходуются 40 тысяч рублей, определенных на содержание ГОХ «Гавриловское», дают фонды бензина, а в 1989 году торжественно передали егерям 2 форменные шапки. Волнующая акция шапкопередачи вызвала небывалый взрыв энтузиазма: сметливые гавриловцы подсчитали, что через пять с половиной лет все работники ГОХ, включая бухгалтершу и кладовщицу, будут оснащены новейшими форменными шапками, что, безусловно, повысит уровень охраняемости вверенных диких животных.

Полагаю, читатель уже в нетерпении. Что ему уазики и шапки! Ему подавай захватывающие сюжеты с засадами и погонями, со стрельбой по бегущему оленю, с дикой яростью подраненного кабана, загоняющего охотников на верхушки деревьев. Он жаждет услышать об отечественном сафари в херсонских прериях, преследовать дичь вместе с задыхающимся от бега охотником, бить из ружья «в угон» и «влёт», карабкаться по склону оврага и переходить по пояс быстрый ручей... Потерпите, дорогие товарищи! Будет вам сафари, и загнанный охотник, и стрельба из засады, а пока давайте поспушаем на общем собрании трудового коллектива ГОХ «Гавриловское», состоявшемся 15 августа минувшего года.

Бесстрастный протокол доводит до сведения потомков повестку дня: «1. О переходе

хозяйства на полный хозрасчет и самофинансирование. 2. О выходе из состава объединения «Херсонлес». По первому вопросу выступила бухгалтер М. В. Наполова, по второму вопросу — В. С. Щербак. В прениях приняли участие: Н. Ф. Коваль, А. Ф. Ивахненко, Н. В. Сорочинский, О. А. Ковальчук и др. Постановили: 1. Перейти на полный хозрасчет и самофинансирование с 1.09.1989 года. 2. Выйти из состава объединения «Херсонлес» с 22 августа 1989 года».

Протокол сух и лаконичен, как мастерский выстрел, но эхо протокольного выстрела прогремело по всей Украине и докатилось до Москвы. Казалось бы, в чем дело? Ну, пожалел коллектив предприятия, годовой оборот которого меньше, чем привокзальной будки по ремонту металлоизделий, самостоятельности, решил не висеть на шее у государства. Так, прекрасно! Не денег просят, а от дотаций отказываются, сами себя кормить-поить обещают за счет доходов от промотстрела, сами себе и машины, и шапки покупать да еще обязуются валютными доходами от приема охотников-иностранцев делиться и с районом, и с областью, и с родным министерством. Молодцы, качать их! И начали качать... права все выше- и высокостоящие организации.

Позвольте, какие права? Ведь существует положение, прямо предусмотренное Законом СССР о государственном предприятии (объединении). Это поправка, специально внесенная Верховным Советом СССР 3 августа 1989 года в первоначальный текст. Абзац второй п. 7 ст. 5 Закона в новой редакции гласит: «Входящие в объединение структурные единицы и самостоятельные предприятия вправе по решению их трудовых коллективов выйти из состава объединения с соблюдением договорного порядка и обязательств, установленных при образовании объединения». Поскольку ГОХ «Гавриловское» вошло в ПО «Херсонлес» не по договору (кстати, эта акция добровольного принуждения свершилась лишь в ноябре 1988 года), то по Закону выход из объединения — его добрая воля. Решение трудового коллектива здесь имеет обязательный характер. Никакого согласия вышестоящей организации не требуется.

Но давайте не будем умиляться сладкозвучием статей Закона. Я вам обещал захватывающее сафари, и сейчас вы увидите, как оно разворачивалось на херсонской равнине.

Первое дело на сафари — камуфляж. Ветки там всякие на голову прицепить, рога нахлобучить или в шкуры одеться. Мол, мы и не охотники вовсе, а сами антилопы или львы, не бойтесь, братья, мы бежим в одну сторону. Эту маскировочную операцию блестяще провел замминистра лесного хозяйства Украины Р. И. Миколайчук. 4 ноября 1989 года он направил директору ГОХ «Гавриловское» и генеральному директору ПО «Херсонлес» послание доброй воли. Руку дружбы протянул Роман Иванович из своего высокого министерства простым егерям.

«Поддерживая предложение трудового коллектива (Ура! Сам замминистра поддерживает! — М. Г.) о переводе государственного охотничьего хозяйства «Гавриловское» на хозяйственный расчет и отказе от бюджетного финансирования биотехнических мероприятий, министерство дало поручение научно-производственному объединению «Лес» разработать в 1990 году проекты необходимых для этого нормативных документов...»

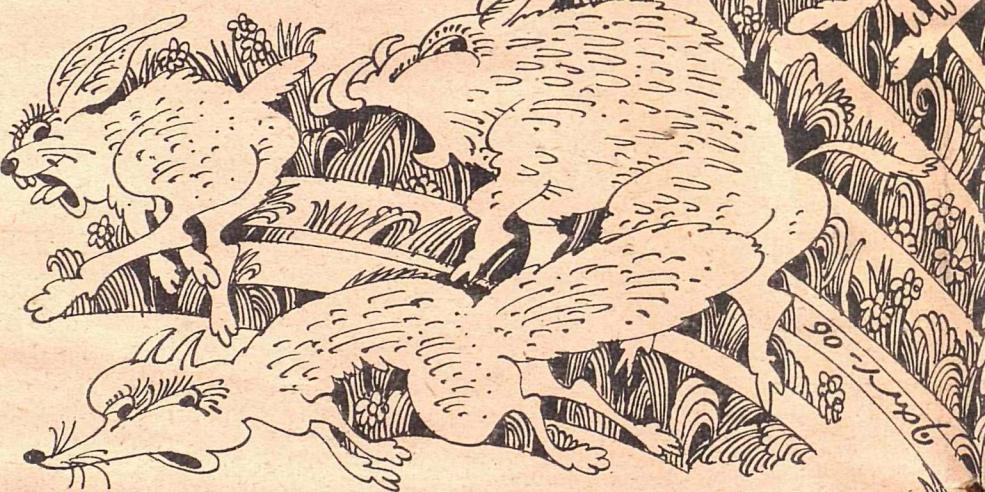
После утверждения в установленном порядке всего пакета нормативных документов они будут приняты для проведения эксперимента в Гавриловском охотхозяйстве...»

Вынужден прервать цитату, так как не могу удержаться от радостных восклицаний. Подумать только, коллективу из 13 человек мощное НПО «Лес» протянет лес друже-

ственных рук. Прямо вижу эту захватывающую картину: десятки ученых целый год корпят над «пакетом нормативных документов», в компьютеры вводятся данные о сторублевой зарплате егерей, о пудах соли и центнерах сена (это и есть «биотехнические мероприятия»), все 40 тысяч годовых расходов гавриловцев проигрываются на компьютерах по сотням параметров. И буквально через какой-нибудь год «пакет нормативных документов» утверждается «в установленном порядке» и начинается... нет-нет, не работа, конечно, а «эксперимент». Согласитесь, лопнут от зависти слесари из привокзальных будок по ремонту зонтов и изготовлению ключей: у них выручка до 40 тысяч в месяц доходит, а никакое НПО не протягивает своей ученой руки.

Что касается выхода госохотхозяйства «Гавриловское» из объединения «Херсонлес», то и тут тов. Миколайчук проявил отличную охотничью маскировку. Знает ведь, что по закону никакого согласия вышестоящей организации на выход не требуется, но тем не менее пишет: «Минлесхоз УССР считает нецелесообразным в настоящее время изменить утвержденную приказом от 28 ноября 1988 года № 274 структуру управления».

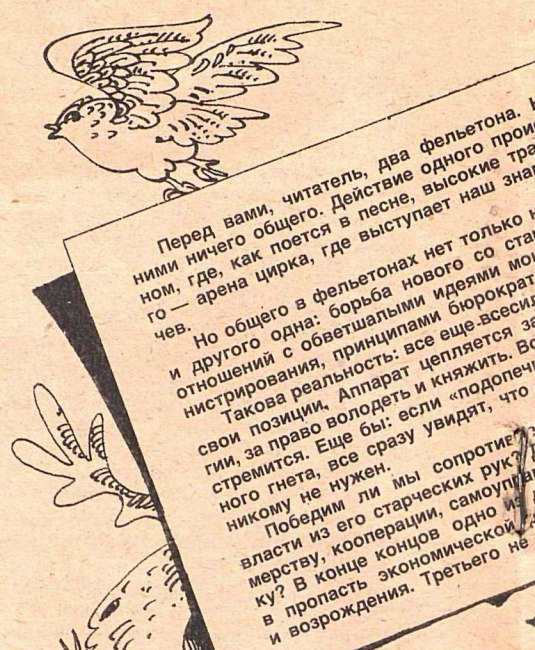
А херсонское сафари идет своим чередом. В дело вступают загонщики. Тут нет надежнее ребят, чем обученные охотничьему искусству члены комиссий. И погнали дичь прямехонько на следователя областной прокуратуры А. Г. Белехова. А тот уж не растерялся: как саданул дуплетом!

Кто же оказался на мушке? Разумеется, директор охотхозяйства В. С. Щербак. Стратегически задача решалась правильно: подстрелить главного хозрасчетчика, а остальных бери голыми руками... Директор Щербак последние пять лет участвовал в промотстреле вместе с женой. Разумеется, и деньги за сданное мясо оба получали по ведомости, подписанной бухгалтером. И комиссии ежегодные ничего в том предосудительного не видели.

Но одно дело — прежний Щербак, а другое — замахнувшийся на самостоятельность хозяйства. Допустим, комиссия сочла привлечение к промотстрелу жены директора незаконным (что никакими законами не подтверждается). Но допустим. Самое простое решение — сделать начет и удержать с директора эти смехотворные деньги. Зато куда эффективней передать бумаги в прокуратуру, ретивый следователь которой тут же решает произвести в доме директора обыск и наложить арест на имущество Щербака и его супруги. Заметим, все это происходит в селе, где не помнят подобных акций со времен раскулачивания. Уж теперь-то авторитет строптивого директора подорван окончательно...

В Херсоне я встретился с руководством области в лице председателя облисполкома А. Т. Мельникова. «Щербак — человек на своем месте, — сказал Александр Тихоно-

Перед вами, читатель, два фельетона. Ними ничего общего. Действие одного происходит — арена цирка, где выступает наш знаменитый артист.

Во фельетонах нет только и другого: борьба нового со старым, отношений с обветшалыми идеями бюрократизации, принципами все еще-всесильной Такова реальность: все еще-всесильная позиция. Аппарат цепляется за свои права, за право володеть и княжить. Власть не нужна. Еще бы: если «подопечного гнета, все сразу увидят, что некому не нужен.

Победим ли мы сопротивление власти из его старческих рук? Мерству, кооперации, самоуправлению, кооперации, самоуправлению? В конце концов одно из них в пропасть экономической и возрождения. Третьего не

вич. — Область заинтересована в переходе охотхозяйства на хозрасчет: были бы валютные поступления от иностранных охотников». Первый секретарь Нововоронцовского райкома партии В. С. Самойлов развел руками: «Ничего не понимаю. В моем присутствии замминистра Миколайчук обещал, что все расчеты нормативов будут готовы к 1 октября».

Генеральный директор ПО «Херсонлес» С. Н. Руденко сослался на известную поговорку: «Баба с воза — кобыле легче. Я за хозрасчет».

Значит, все «за», решил я и со спокойным сердцем покинул Херсон. А в ночь перед Рождеством позвонил В. С. Щербак и поведал, что сафари продолжается: пару добрых выстрелов сделал генеральный директор «Херсонлеса». Во-первых, объявил Щербак выговор «за злоупотребление служебным положением», а во-вторых, лишил хозяйство права юридического лица. Теперь, чтобы купить килограмм гвоздей, гавриловцам надо ехать в Херсон, брать доверенность и отчитываться по всей форме.

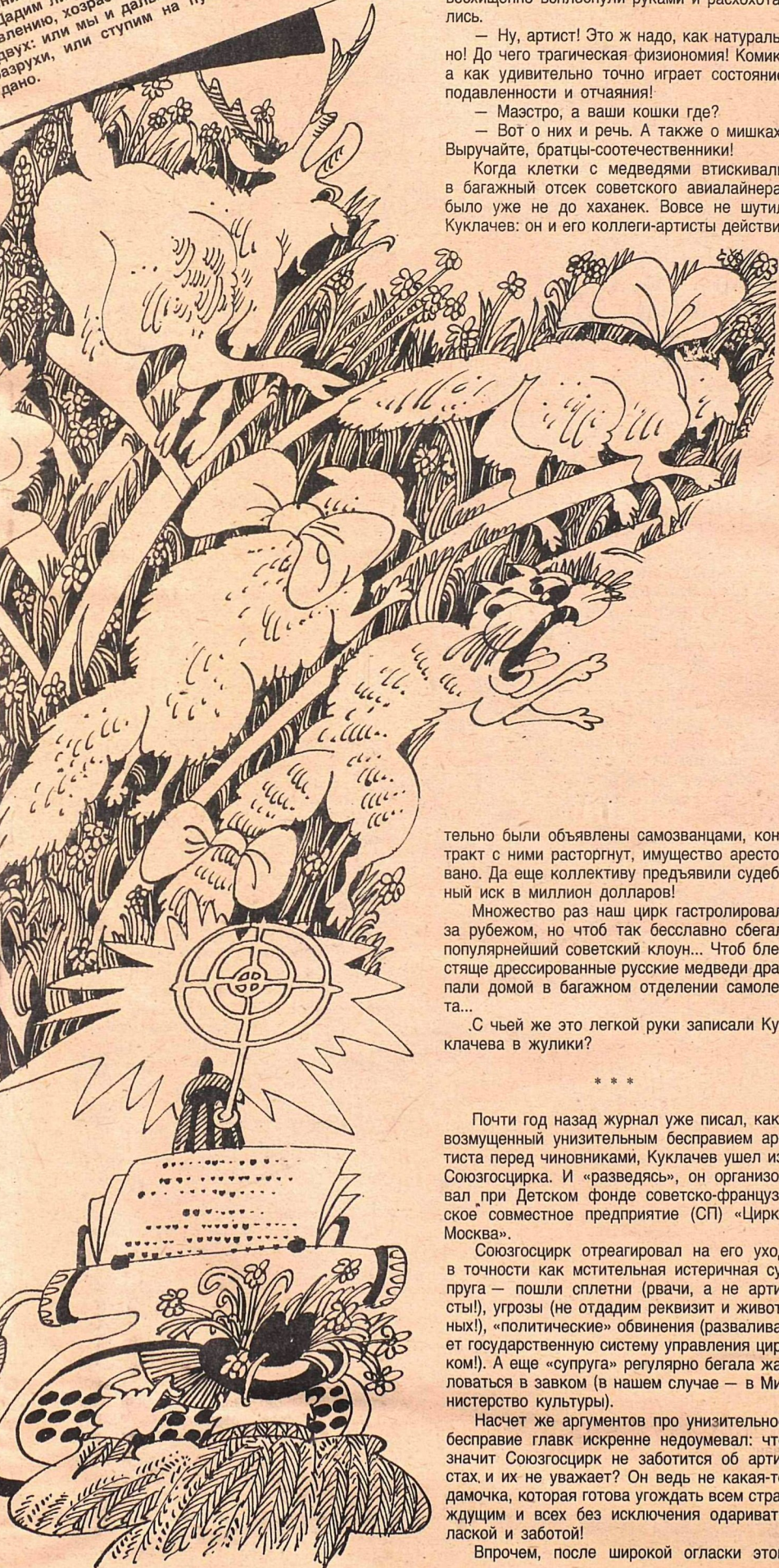
Сначала я жалел гавриловцев, а потом подумал: ну, и дураки же они! Сами охотники, а забыли золотое правило — не высывайся. Сиди тихо. А то — пиф-паф, ой-ой-ой...

Херсонская область.

ПО ДЕШЕВКЕ

История о том, как знаменитого клоуна Куклачева сделали самозванцем

на первый взгляд между сходит в стелы под Херсо-вы. Место действия друго-менитый «кошатник» Кукла-чаева. На первый взгляд. Суть и того-го. Новых идей, принципов, ополлизма, отношениями адми-нистра. Аппарат не желает сдавать-насиженные кресла и привиле-гии не дает свободы тем, кто к ней-е вырвутся из-под его тлетвор-он, аппарат, в нынешней структуре-ние аппарата? Вырвем ли шураал-адам ли зеленую улицу аренде, фер-алению, хозрасчету и свободному рын-адух: или мы и дальше будем катиться-азуручи, или ступим на путь прогресса-дано.

Не так давно знаменитый клоун Юрий Куклачев ворвался в бельгийское представительство Аэрофлота и выпалил:

— Спасайте! Я жулик и самозванец! Имущество нашего коллектива под арестом!

И такая неподдельная горечь была в его словах, что товарищи в представительстве восхищенно всплеснули руками и расхохотались.

— Ну, артист! Это ж надо, как натурально! До чего трагическая физиономия! Комик, а как удивительно точно играет состояние подавленности и отчаяния!

— Маэстро, а ваши кошки где?
— Вот о них и речь. А также о мишках. Выручайте, братцы-соотечественники!

Когда клетки с медведями втискивали в багажный отсек советского авиалайнера, было уже не до хаханек. Вовсе не шутил Куклачев: он и его коллеги-артисты действи-

тельно были объявлены самозванцами, контракт с ними расторгнут, имущество арестовано. Да еще коллективу предъявили судебный иск в миллион долларов!

Множество раз наш цирк гастролировал за рубежом, но чтоб так бесславно сбежал популярнейший советский клоун... Чтоб блестяще дрессированные русские медведи драпали домой в багажном отделении самолета...

С чьей же это легкой руки записали Куклачева в жулики?

Почти год назад журнал уже писал, как, возмущенный унижительным бесправием артиста перед чиновниками, Куклачев ушел из Союзгосцирка. И «разведясь», он организовал при Детском фонде советско-французское совместное предприятие (СП) «Цирк-Москва».

Союзгосцирк отреагировал на его уход в точности как мстительная истеричная супруга — пошли сплетни (рвачи, а не артисты!), угрозы (не отдадим реквизит и животных!), «политические» обвинения (разваливает государственную систему управления цирком!). А еще «супруга» регулярно бегала жаловаться в завком (в нашем случае — в Министерство культуры).

Насчет же аргументов про унижительное бесправие главк искренне недоумевал: что значит Союзгосцирк не заботится об артистах и их не уважает? Он ведь не какая-то дамочка, которая готова угождать всем страждущим и всех без исключения одаривать лаской и заботой!

Впрочем, после широкой огласки этой

истории Союзгосцирк скрепя сердце все же подписал с совместным предприятием договор о сотрудничестве, и команда Куклачева отправилась в свои первые самостоятельные гастролы. И там, кстати, посыпались его предприятия новые заманчивые предложения и контракты. Так что вопрос — как справиться с непокорным артистом — встал уже ребром.

Действительно, как? Нельзя же растрезвонить, что Куклачев и его команда — плохие артисты. Хорошие, конечно, даже великолепные. Но... это не всемирно известный и горячо любимый Московский цирк! Читай: подделка, фальшивый товар! Наподобие швейцарских часов из Гонконга.

Вот и разослал Союзгосцирк телексы всюду, куда собирался прибыть на гастроль Куклачев: «Караул! Грabort! Незаконно присвоили наш товарный знак — всемирно известное название «Московский цирк!» Московский цирк — это мы и только мы!»

Телексы главка чрезвычайно порадовали его постоянных зарубежных партнеров:

— Так вот на чем решили подзаработать наши конкуренты! Ну, раз они собираются тут демонстрировать подделку, мы им быстро свернем шею!

Всерьез задумались партнеры Куклачева. Да, программа, конечно, классная, а сам Куклачев — звезда первой величины. Но... это ж, оказывается, не всемирно известный советский цирк! Что, как привлечет Союзгосцирк к ответственности за незаконное использование его торговой марки? И если не Московский цирк, то совсем иные расходы на рекламу, иная цена билетов, да и неизвестно еще, пойдет ли зритель...

Итог: сорваны гастролы в ФРГ, а австралийский партнер главка, размахивая телексами Союзгосцирка, у себя дома подал в суд на СП «Цирк-Москва», приезд которого ожидался на «зеленом» континенте.

Вернулся Куклачев с коллегами на Родину, а здесь — очередной подарок: цирки им в аренду не дают. Договорились было с Гомелем, да туда сразу ринулся эмиссар главка В. Котик: договор с Куклачевым — только через мой труп!

Конечно, западных импресарио можно понять: долгие годы только Союзгосцирк решал — дать ли коллектив для гастролей и какой дать. И раз он бомбардирует телексами, что Куклачев — это подделка, то какие могут быть сомнения? Откуда ему знать, например, про разъяснение нашего ответственного Института патентоведения, что словосочетания «Московский цирк», «Русский цирк», «Советский цирк» не имеют в себе признаков товарного знака, поэтому могут без чьего-то специального соизволения использоваться как Куклачевым, так и всеми желающими цирковыми коллективами.

Впрочем, попытки Союзгосцирка оставить Куклачева без работы, а лучше и вообще отлучить от цирка замешаны на серьезных опасениях: ведь клоун затронул такой болезненный для Союзгосцирка вопрос, как внешнеэкономическая деятельность главка.

Ну, хорошо, весь мир вполне спокойно может обойтись без наших машин, тракторов, радиоаппаратуры, обуви и вообще почти без всего того, что мы не так уж и усердно производим. Но зато искусством нашим весьма интересуется. Интерес этот не ослабевает. И в этой связи чрезвычайно любопытна финансовая сторона наших культурных обменов. Ибо государству небезразлично, в каком количестве поступает от них валюта.

И тут СП «Цирк-Москва» выдает впечатляющие примеры активного зарабатывания валюты.

Например, СП организовало в Израиле гастроль ансамбля Игоря Моисеева, предло-

жив ансамблю 20 тысяч долларов. Хотя Госконцерт обычно продавал коллектив за 7—8 тысяч.

12—13 лишних тысяч на каждом концерте... Лишние 120—130 тысяч долларов всего только за 10 выступлений... Сколько же валютных миллионов недосчиталось наше государство только на одном коллективе за все годы его гастролей?!

Союзгосцирк всегда имел монополию на зарубежные гастролы. И до Куклачева у артистов цирка возникало недоумение: задешево отдаете нас за границу. Но артистов легко осаживали:

— А вы сами попробуйте!

И поскольку за этим не следовало делового предложения занять место распорядителя зарубежными гастролями, сомневающиеся и изумляющиеся, потупясь, отходили.

Но вот появилось СП «Цирк-Москва», и теперь всем подозрительным мы можем предложить конкретные цифры.

По контракту в Австралии главк за свой коллектив получает 55 тысяч долларов в неделю, а у СП был подписан договор на 95 тысяч.

Команда Олега Попова, гастролеровавшая в ФРГ, получала 12 тысяч марок за представление. А СП уведомило Союзгосцирк, что отыскало солидного бизнесмена, готового за «солнечного клоуна» выложить 12 тысяч, но только долларов!

— А нам не надо! — отмахнулся главк.

Нынче СП намерено пробиваться на американский рынок. Тамшний партнер Союзгосцирка Стив Либер недавно публично похвастался в нью-йоркской прессе, что с помощью советских цирковых звезд за полгода заработал 17 миллионов. Так что если допустить СП в Америку, оно, похоже, очень скоро докажет: никак больше невозможно из каждых 10 долларов дохода девять оставлять устройству гастролей!..

В любой цивилизованной стране давно бы занялись выяснением причин особой привлекательности для главка этой дешевой распродажи. И, ничего не обнаружив, так прямо бы и заявили подозреваемым: нет в этом никакого ни у кого личного интереса. Никто из руководства в неоправданные заграничные поездки не катал и особые тюков баракла оттуда не вывозил. Просто товарищи обучены не торговать, а рассылать приказы и запреты.

Что ведь тоже, согласитесь, известный криминал: стране не легче, когда валютная недостача происходит не по злему умыслу, а всего лишь по неспособности...

Итак, на фоне очевидных неурядиц в системе — артисты бегут из Союзгосцирка, цирки прогорают — главк добился очевидных достижений. Непокорный любимец публики Юрий Куклачев вытолкан с манежа. Умыли заодно и Детский фонд, собравшийся на привезенную СП валюту строить детскую больницу, закупить медицинское оборудование и одноразовые шприцы. Словом, репризу сотворил Союзгосцирк поистине уникальную.

Что, будем смеяться?

Конечно, Куклачеву очень привычно иметь дело с животными, которые чуть что показывают когти. Так что царапин и шрамов он не пугается — не отступает. В частности, подключил к борьбе за выживание СП «Цирк-Москва» учредителей — Детский фонд. И заместитель председателя правления фонда И. М. Баскин обращает внимание Министерства культуры, что вроде бы нежего главку на зарубежном рынке вцепляться в горло соотечественнику. А надо бы, обнявшись, мирно сотрудничать на пользу державы. Своевременно обращается, потому как с приходом нового министра здесь стало гораздо больше культурной атмосферы.

И все же Союзгосцирк в лице заместителя генерального директора В. Котика и Г. Агаджанова пока еще не разжимает до конца своих объятий...

**Виктор
Боков**

ОБ ЭСТРАДЕ

Стою, разговариваю с грачом:
— Земля на китах, а эстрада на чем?
Глядит на меня, как профессор вокала:
— Ответил бы я, понимания мало.
Вся музыка наша грачиная — крик!
И сам ты, наверно, все знаешь, старик.
Он клюв свой почистил,
Взлетел на забор,
Крыло осмотрел,
Вот и весь разговор.
Я с ним согласился,
Сказал себе: «Ладно!»
Однако какая же птица

эстрадна?

Не дятел, не сойка,
Не воробей,
Ну и, конечно же,
Не соловей!

ПРОГРЕСС

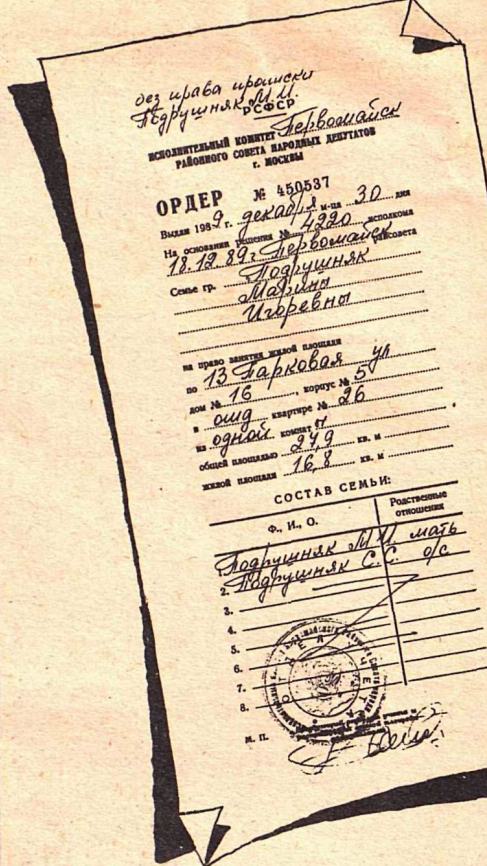
Все лето на болоте драга,
Ползет, как черепаха по меже.
А что она создаст? Какие блага?
Неясно. Только клюквы нет уже!

РОМАНТИЗМ

В какое пламя мужик не бросится,
Когда за женщиной идет.
Он у рассудка и не спросится,
У страсти он совета ждет.
А страсть слепа, а страсть губительна,
Толкнуть нас в пропасть ей пустяк.
— Живу я с женщинами бдительно! —
Признался старый холостяк.
А я когда-то, бедолага,
В сырую полночь и туман
В траве холодного оврага
Имел стремительный роман.
Теперь страдаю ревматизмом,
Как дождик, так крестец болит.
Зову я это романтизмом,
А врач зовет радикулит!

Длинные волосы нынче в моде.
Длинные волосы по плечам.
Длинные волосы! Что ж такого,
Отпускаю я нынче сам.
Не стригусь и не мою шею,
Утонул в волосатой красе.
И уверен, что хорошою,
Как уверены в этом все!

Говорю вам на всякий случай,
Заявляю, как потерпевший:
Каждый несущий
еще не сущий,
Каждый поющий
еще не певчий.

Прежде чем сказать что-нибудь умное, я всегда скромно задумываюсь: не высказался ли по данному поводу какой-то признанный авторитет. Если высказался, то я предпочитаю примазывание к мудрой мысли. И в данном случае я быстренько начну с цитаты, радуюсь выраженным в ней оптимизму и актуальности: «Конечно, об чем может быть речь — дети нам крайне необходимы. Государство без них не может так гладко существовать. Они нам — наша смена. Мы на них надеемся и расчеты на них строим... Так что в этом отношении детей мы прямо на руках должны носить, и пыль с них сдувать, и носики им сморкать. Невзирая на то — это наш ребенок или ребенок чужой и нам посторонний».

Здорово сказано. Гуманно. Потому что — Зоженко. Я б, например, золотые эти слова, невзирая на их некоторую ироничность, размножила, заказав какому-нибудь кооперативу майки с высказыванием великого и печального сатирика.

А теперь поговорим о маленьком принце, с которого Советская власть в лице Первомайского райисполкома г. Москвы не то что пылинки сдувала — она обрушила на него такое благодеяние, которое ему в неполных три года трудно оценить. Сергей Сергеевич Подрушняк. Попрошу запомнить это имя, поскольку мы имеем дело с редчайшим случаем, возможно, с прецедентом в мировом масштабе.

Сергей Сергеевич родился, как все, в роддоме, и на его крошечное запястье повесили порядковый номерок, фиксирующий появление на свет нового советского гражданина. Правда, он родился на месяц раньше, чем положено. Дело в том, что в последние месяцы беременности его молодая мама Марина похоронила трех родственников, живших с ней в одной квартире по улице Б. Жигуленкова, д. 1/2, кв. 57: умер брат мужа, погибла в автомобильной катастрофе его бабушка, а вскоре тридцатидвухлетний муж — отец Сережи — не вернулся с работы — был раздавлен насмерть свалившейся на него прогнившей трубой.

Пока Марина Подрушняк находилась в роддоме, ее квартира уже распределялась. Исполком в качестве наиболее достойного претендента выбрал гражданку Савкову.

Правда, тут схватить кого-то за руку нелегко. Дело в том, что Марина, ПЯТЬ ЛЕТ ПРОЖИВШАЯ ВМЕСТЕ С МУЖЕМ В ЕГО КВАРТИРЕ, не прописалась в ней. Семья разделила лицевые счета: в результате Марине и ее мужу достались две комнаты, а бабушке и брату Сергея — одна. Молодые супруги подали заявление в бюро обмена, чтобы получить отдельную квартиру и там уже прописаться всем вместе.

Однако, вернувшись домой, Марина Подрушняк обнаружила свою квартиру опечатанной — вместе с заключенной в ней ее собственностью: мебелью, носильными вещами, «приданым» ребенка. Она обратилась в Детский фонд, Комитет советских женщин, ЦК КПСС и ВЛКСМ. Все эти горестные обращения легли на стол председателя Первомайского райисполкома В. Жестова.

Я не смею настаивать на отсутствии души у работников исполкома и ДЭЗа, а затем и суда Первомайского района. Видимо, у них просто жизненного опыта чуть-чуть не хватило. Не учли они, что женщины из роддома частенько возвращаются домой не одни. Они несут еще одного, всегда поначалу нигде не прописанного человека, завернутого временно в пеленки и перевязанного бантами. И этот человек, в бантах и с соской, обладает гораздо более серьезными правами, чем его мать. Согласно статье 118 (ч. 1) Основ гражданского законодательства РСФСР, сын, родившийся после смерти отца, наследует его жилую площадь и имущество. Да, Сережка и есть главный наследник по прямой линии погибшего отца: его жилплощадь, имущества и всего того, что сделано руками Подрушняка-старшего для удобства своей семьи. Марина Подрушняк, которая пять лет жила на площади мужа и вела с ним общее хозяйство, в соответствии со статьей 53 Жилищного кодекса приобретает на квартиру те же права, какими обладал наниматель.

Не дождавись ни от кого помощи, Марина совершила то, что повергло в шок районную власть. Сорвав печати с двери своей квартиры, она поселилась там с ребенком и обратилась с иском в суд против райисполкома. Исполком выставил встречный иск. Состоялся суд. Трудно сказать, кому пришла в голову

гениальная мысль пропустить во встречном иске слово «ребенок». Это важное слово вообще не прозвучало на первом заседании Первомайского суда, принявшего решение о принудительном выселении Марины Подрушняк с жилой площади ее мужа.

Решение попробовали привести в исполнение. Зимой, в десять градусов мороза, взломали дверь ее квартиры. Но этому гуманному мероприятию помешал прокурор республики С. Емельянов. Прокуратура приостановила решение суда и написала протест, в котором ребенок занял наконец подobaющее ему центральное место.

Невозможно перечислить однообразные события последующих трех лет. Скажу лишь, что Марина Подрушняк регулярно вставала, как рецидивистка, на судебных заседаниях разного масштаба по немелодичной команде: «Встать. Суд идет!». Протест прокуратуры республики был полностью проигнорирован. Почти три года маленький Сережа в списках граждан нашей страны не значится. Ему не положено обслуживание в детской поликлинике по месту жительства, его нельзя устроить в сад Первомайского района, ему не положены талоны на сахар.

И вот совсем недавно состоялось, я считаю, историческое событие: Первомайский исполком, посоветовавшись с Моссоветом, принял компромиссное, как выражаются в исполкоме, решение: дать этому надоевшему всем младенцу однокомнатную квартиру — комната 15 метров, кухня — 5. В ордере Сергей Сергеевич назван ответственным квартиросъемщиком. И в ордере же указано: «М. И. Подрушняк — без права прописки». А если мать придет к сыну в гости, может и в прихожей постоять, все равно надолго задерживаться ей не положено: при столе любовном отношении к ней первомайских властей ее могут и арестовать за нарушение паспортного режима.

Как выразилась на одном из многочисленных судебных заседаний юрист Первомайского райисполкома Оксана Марковна Николенько, «каждый новорожденный младенец может только мечтать о получении отдельной однокомнатной квартиры». Возможно, это так, и некоторые младенцы в силу возраста мечтают себе во вред, не понимая, что вместе с ним в отдельной квартире должна еще быть прописана и мать. Ну что же, пусть ребенок ведет свою личную жизнь в условиях полной свободы, одно лишь беспокоит меня: на каком таком детском предмете будет стоять штамп о прописке ответственного съемщика (см. ордер) Сергея Сергеевича — на слякоти, колготках или, простите, на ночном горшочке? Хотя, разумеется, все это мелочи на фоне столь фантастической заботы об отдельном представителе подрастающего поколения.

В. ВЛАДОВ.

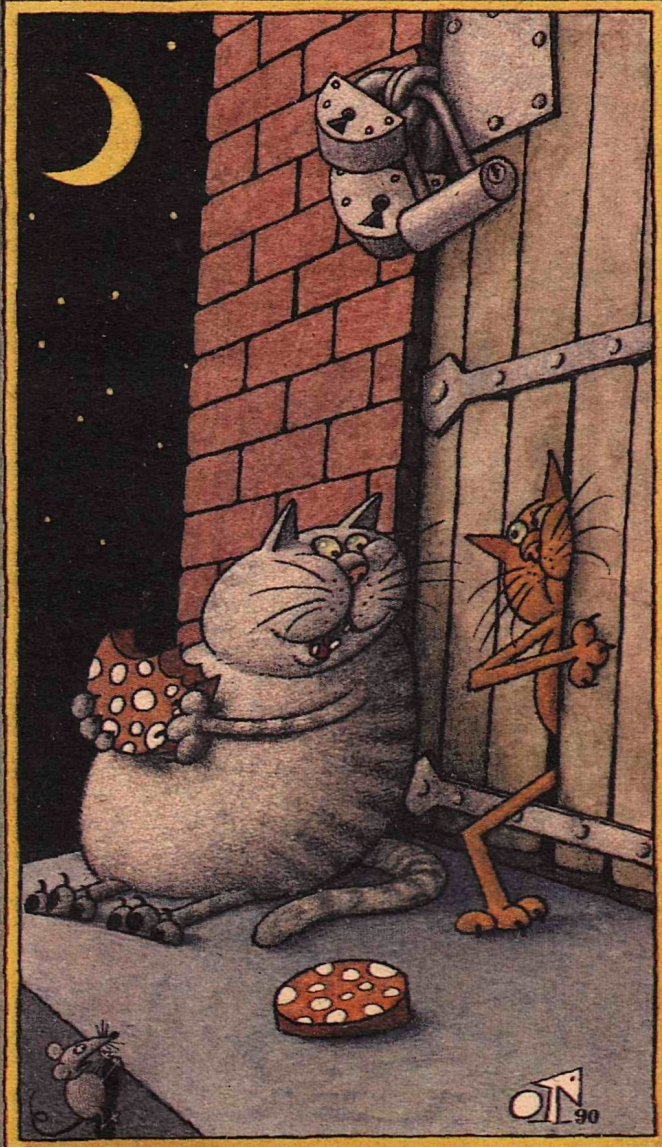

В. ДМИТРИУК, М. ВАЙСБОРД (тема).

— Их школы переделали в лицей!

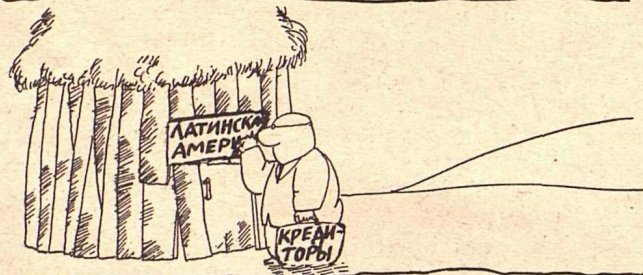
Т. ЗЕЛЕНЧЕНКО, г. Харьков.

— Предупреждал: уходи от кооператоров, у них каждый кусок на счету!

Г. ОГОРОДНИКОВ, Е. ВАСИЛЬЕВ (тема).

Views of the World®

РОДЖЕР,
Никарагуа.

РОБИНСОН, США.

БАЛ НА КОРАБЛЕ, или Виват культурным обменам!

Летом нынешнего года глазам удивленных москвичей и потрясенных гостей столицы, обнаруживших дар оказаться в нужное время (конец июля — начало августа) в нужном месте (берег Москвы-реки в парке Горького), предстанет уникальное зрелище. Подойдет к берегу кораблик явно нездешнего вида, и урежет угнездившийся на борту его оркестр увертюры, и грянут над водами звуки оперы голландского композитора Клааса тен Холта под интригующим названием «Где зарыта собака», возносясь к кронам Нескучного сада...

Но это будет летом, а сегодня, за несколько месяцев до планируемого действия, Крокодил хотел бы представить читателям того, кто выносил и родил данный замысел. Знакомьтесь: Август ДИРКС, генеральный секретарь голландского общества «Цирк», энтузиаст культурных обменов с окружающим Нидерланды миром, а в первую очередь с Советским Союзом. Несколько штрихов к портрету энтузиаста: Август высок ростом, лишен бюргерской упитанности и степенности, возраста неопределенно-несолидного и хорошо говорит по-русски.

КРОКОДИЛ. Август, кто придумал «Цирк»?

АВГУСТ. Ко Винтерс и я. Мы оба учимся на факультете славистики Амстердамского университета.

КРОКОДИЛ. Давно ты интересуешься СССР? Когда впервые у нас побывал?

АВГУСТ. Первый раз я поехал с родителями, и это было не очень интересно. А вот второй раз поехал один. Это было в 1982 году. Я купил за 50 долларов старенький «фиат» и покатил: Киев, Харьков, Тбилиси, Черное море. Я много общался с населением, но еще больше — с милицией. Например, по моему маршрутному листу (заранее утвержденному) мне надо было проехать за день 500 километров, а я устал и проехал только триста. Надо где-то ночевать. Прихожу в отделение милиции, говорю: «Я иностранец. Мне нужен ночлег». Бедный начальник не знает, что делать. Он звонит другому, большому начальнику. А у того, наверное, была вечеринка. Он как заорет на маленького начальника: «Пошел вон со своими иностранцами!» Я сам слышал, хотя далеко от телефона стоял. Ну, разрешили мне наконец заночевать в кемпинге. Вообще странный порядок: за полгода до поездки я уже должен был дать свой маршрут.

КРОКОДИЛ. Ну, а общение с массами?

АВГУСТ. Каждый раз, когда я останавливал машину, собиралась толпа. Даже материальное положение поправил: джинсы старые за 50 рублей продал.

КРОКОДИЛ. Ладно, господин фарцовщик, а как же все-таки был создан «Цирк»? Как ты начал «наводить мосты» с нашей страной?

АВГУСТ. Это началось в 1986 году. Приехав снова в Москву, я свел знакомство с художниками, музыкантами, ну и заработал, как в Африке, «барабанный телеграф». Кстати, в этот же приезд я познакомился с Машей, своей нынешней женой, — она русская. У нас сейчас огромный интерес к вашей стране. И мы организовали «Цирк» — общество по развитию культурных контактов и человеческого общения.

Потом нашли туристическое бюро с хорошей репутацией. Владелец его немного устал и сам не стремился к новым проектам. И мы предложили свою помощь в организации поездок студентов и интеллектуалов в СССР, чтобы они там общались с людьми искусства, как у вас говорят, «неформально».

КРОКОДИЛ. А с чего началось культурное сотрудничество?

АВГУСТ. В 1987 году я встретился с ленинградским художником Кириллом Миллером. Его творчество стало для меня настоящим открытием. И я заметил, что голландцы, которые приехали со мной, просто все обалдели от раскованности духовной жизни в СССР в пору гласности. В сентябре 1987 года я провел выставку Миллера в Голландии. В том же году голландская рок-группа участвовала в Ленинградском рок-фестивале. Самое смешное, что в «Интуристе» нам заявили: «У нас рок-фестивалей не бывает!». Но наши музыканты поехали и играли на нем. Причем играли бесплатно и сами платили за дорогу.

КРОКОДИЛ. А в прошлом году ты устроил гастроль в Голландии ансамбля пантомимы Киселева и рок-группы «Николай Коперник»...

АВГУСТ. Это уже новая эпоха. Потому что я получил наследство и, наконец, купил корабль, о котором мечтал всю жизнь. Я назвал его «Оперный корабль АЗАРТ». Киселевский ансамбль и «Коперник» его обновили: мы вместе прошли по голландским каналам, попутно давая представления. Это было сказочное путешествие!

КРОКОДИЛ. Каковы теперь твои планы?

АВГУСТ. В 1990 году в рамках фестиваля, который устраивает ваш Союз архитекторов к столетию великого Мельникова, мы привезем в СССР оперу...

КРОКОДИЛ. Да, я уже уведомил об этом читателей в самом начале...

АВГУСТ. ...И пройдем по маршруту Амстердам — Таллинн — Ленинград — Углич — Москва. Потом здесь, вместе с советскими музыкантами, поставим новую оперу и повезем ее в круиз по Средиземному морю, из Одессы в Стамбул, Александрию, Афины, Рим, Марсель, Барселону. Сейчас ищем советскую фирму, которая согласилась бы стать нашим спонсором. Нам обязательно нужно договориться, чтобы корабль зимовал в Москве в 1990—1991 годах, и непременно возле электростанции, где вода не замерзает. Нам требуется примерно 500 тысяч рублей.

КРОКОДИЛ. А тема оперы?

АВГУСТ. Тему ваши режиссеры и актеры придумают сами.

КРОКОДИЛ. Значит, прощай, «Цирк», и да здравствует «Азарт»?

АВГУСТ. «Цирк» останется, только им теперь будет заниматься Ко Винтерс, а я вольным мореплавателем пушусь по свету.

КРОКОДИЛ. Ну что же, счастливого тебе плавания, «Азарт», и удачи тебе, вольный капитан Август Диркс!

АВГУСТ. Спасибо. И не забудь выйти на берег Москвы-реки в июле!

Беседу провел Л. ЛАВРЕНТЬЕВ.

Мы познаем мир, сопоставляя и сравнивая. Толпы любопытных носятся по планете в поисках экзотики.

Вот — ФРГ, Нижняя Саксония, Ганновер.

Мы жуем горбушку пышного немецкого хлеба, патриотически бубня сквозь набитый рот: «А наш бородинский лучше. Да и дешевле намного». Прожевав, мы разеваем освободившийся рот в созерцании немислимого изобилия товаров. «Это конечно, — соглашаемся, — а вы, господа, на космических мотоциклах ездите?» Нет, не ездят на оных господа и, признавая свое безусловное поражение, горестно помалкивают...

«Дороги в Саксонии очень дурны». Так сурово пригвоздил германцев русский писатель и путешественник Карамзин. Позволим себе не согласиться с ним. Из всех Саксоний мы, правда, были только в Нижней, но уверены, что дороги великолепны в любой из Саксоний, какую ни возьми. Вероятно, после критики Николая Михайловича немцы подсушили и решили дорожную проблему. Времени у них было достаточно (ровно двести лет разделяют наше и карамзинское путешествие).

И не только дороги хороши. Ганновер производит впечатление цельного и законченного города. Все в нем уже отреставрировано и отремонтировано навсегда. Никто не взрывается в асфальт площадей, не роет поперек улиц жуткие рвы, не громоздит штабеля труб метрового диаметра. От этого у нормального москвича возникает щемящее чувство дискомфорта, нехватки чего-то родного и привычного.

Как-то чересчур хорошо налажена и информация. Человек, знающий язык всего лишь в объеме высшей школы, ориентируется в городе запросто, чему способствуют выразительные пиктограммы, понятные любому безязыкому чужеземцу. Это крайне важно. Ведь иностранец, даже досконально вызубивший русский язык, все равно будет пребывать в тихом отчаянии, читая наши лукавые объявления: «Санитарная двадцатиминутка», или: «Ушла, буду через полчаса», или: «За рыбу выбирает бакалейная касса направо»...

О магазинном изобилии мы уже упомянули. Товары выпирают из торговых помещений, занимают тротуары и даже проезжие части улиц. Впечатление такое, что магазинам не хватает полок. Тут наша страна могла бы оказать ошутимую помощь. Миллиарда два наших полок мы могли бы за ненадобностью уступить немцам — за валюту, разумеется.

Ну и, конечно, как обойти вниманием «розовые кварталы» Ганновера, объединившие в себе публичные дома, секс-магазины и секс-представления? За огромными окнами-витринами сидят, зазывно улыбаясь, жрицы любви в минимуме одежды. С заинтересовавшимся клиентом переговоры ведутся через открываемую фрамугу окна.

Точно такие же выставки-продажи видели мы в Амстердаме и Париже. Есть подозрение, что на такую форму обслуживания перешли все страны Европейского сообщества. А как же мы? Если мы и будем приняты в Общеввропейский дом, все равно нам придется придумывать что-то свое: климат не позволит перенять западный опыт. Зимой, при постоянном открытии окна наша голая дамочка в первый же день простудится и сядет на бюллетень. Вот вам и кадровый вопрос, и снова ненавистные очереди... Завернуть даму в тулуп? Упадает спрос. Да и сквозь морозные узоры на окнах ни черта не разглядишь. Проблемы, проблемы...

«Корреспонденты, — слышим мы звенящий голос нашего массового читателя, — вас, собственно, зачем держава направляла в командировку? Вот за этим самым?»

Владимир СВИРИДОВ, Святослав СПАССКИЙ, специальные корреспонденты Крокодила

В ГОСТЯХ У БУША

Извиняемся. Увлеклись. Переходим к сути нашего визита.

В Ганновер приехали мы по случаю открытия выставки советских карикатуристов «Гласность и перестройка». Свое (надеемся, триумфальное) шествие по Европе выставка начала с Нидерландов (см. «Крокодил» № 1), теперь перебралась в ФРГ, следующими ее хозяйками намечены Великобритания, Швейцария, Франция. А потом уже — Новый Свет, Америка...

Наш поезд прибывает в три часа ночи, и, несмотря на такое неудобное время, на перроне нас встречает директор музея Вильгельма Буша доктор Гурач. Мы смущены тем, что директору пришлось прервать свой сон. Он просит не придавать этому значения: немецкое гостеприимство ничуть не хуже русского.

Музей Вильгельма Буша, по существу, — центр юмора и сатиры ФРГ. В его залах систематически проводятся международные выставки сатирической графики — шесть штук в году. Музей, во главе с директором Гурачем, ведет большую и напряженную работу. На выставки отведено два зала, в остальных четырнадцати — постоянная экспозиция Буша.

Тем, кто не знаком с Бушем: главное, не надо путать его с нынешним президентом США. Тот Джордж, а наш — Вильгельм. Они однофамильцы. Вильгельм старше Джорджа на добрую сотню лет.

В Германии Буш популярен так же, как у нас Ильф и Петров. Исключительно разносторонняя и одаренная личность, Буш был писателем, живописцем, критиком. Но самую громкую славу ему принесли веселые поэмы, обильно оснащенные иллюстрациями, а вернее — комиксы со стихотворными подписями. Макс и Мориц, герои одноименной изопозмы Буша, два неистощимых на выдумки озорника, многим сродни твенновским Тому и Геку.

Итак, вернисаж. Зал набит до предела. Такую давку в Москве можно наблюдать разве что у ресторана «Макдональдс».

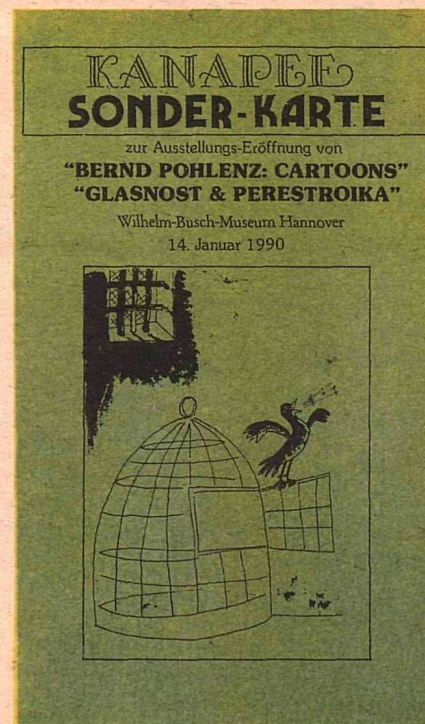
Но вот закончены длинные немецкие речи, быстро убраны складные стулья, народ принял вертикальное положение, и дышать стало заметно легче. Вклиниваются телевидение, радио, фо-

торепортеры. Интервью, автографы, вспышки блицев...

Супруга одного из организаторов выставки спросила нас: «Вы впервые на Западе?» Мы перечислили страны, в которых пришлось побывать. Удивленная реакция: «Как? И после этого вы можете свободно работать?» Что ответить? Уважаемая фрау, видимо, пребывала в полной уверенности, что заграничные поездки у нас до сих пор курирует Лаврентий Берия.

С недоумением увидели продающиеся каталоги выставки, отпечатанные еще в Амстердаме. Дело в том, что половину рисунков, экспонировавшихся в Голландии, здешние организаторы заменили новыми, отобранными в редакции «Крокодила». А каталоги остались старые. И вот надо же — посетители неудовольствия не выражали. Случись такое у нас, нам бы не обойтись без пары депутатских запросов, гневной реплики фельетониста в центральной прессе, а то и митинга на Пушкинской площади с плакатами: «Устроителей выставки — к ответу!», «Долой коррупцию в карикатуре!».

Нам кажется, что при немецкой деловитости, оперативности и организованности можно было и тиснуть новые каталоги, соответствующие действительности. Кстати, на банкете по поводу вернисажа в ресторанчике «Канале» было приятно видеть на столиках специально отпечатанное меню:

Как видите, на обложке — одна из выставочных карикатур. Что называется, дорого яичко ко Христову дню. Значит, было бы желание...

Но это все детали, мелкие профессиональные придирки сатириков. Важно, что выставка имела успех. И суть, может быть, не столько в самих карикатурах, сколько в неослабевающем интересе Запада к нам, соперничавшим нашим делам.

Горбачев — самая популярная личность в ФРГ. Немцы настолько прони-

клись к нему симпатией, что даже соиздали высококачественную водку его имени.

Тем самым, кажется нам, они обнаружили свое довольно поверхностное знание наклонностей и привычек нашего лидера. Это все равно, что мясное блюдо назвать именем Льва Толстого, который, как известно, был вегетарианцем.

Президент общества Вильгельма Буша герр Лауэрротт в откровенной беседе дал понять, что западные немцы, как никто, «болеют» за перестройку, за начинания Горбачева.

— Знаете, — сказал он, — после войны наша страна находилась в жесточайшем кризисе. Казалось, из него выйти невозможно, будет все хуже и хуже. А смотрите — ФРГ ныне занимает одно из первых мест в мире по благоденствию. Как это нам удалось? Я вам скажу: только благодаря двум факторам — строжайшей дисциплине и трудолюбию немецкой нации.

Только ли? Кто-кто, а мы знавали такую лютую дисциплину, что и не снилась нашему собеседнику.

Очевидно, господин Лауэрротт перечислил не все причины. Достаточно вспомнить хотя бы о роли Соединенных Штатов с их долларовой инъекцией и режимом максимального благоприятствования в отношении Западной Европы. Похоже, план Маршалла оказался жизнеспособнее плана Генералиссимуса.

...Тема, вечно волнующая «Крокодил», — борьба с нарушителями правопорядка.

Господин Олтманнс, комиссар полиции Ганновера, любезно предоставил нам возможность поучаствовать в этой борьбе. В патрульной полицейской машине мы медленно и торжественно объезжаем «злчные места» ночного города. Это дискотеки, публичные дома, вокзал, где, говорят, торгуют наркотиками, дома для беженцев. Полицейские рассказывают о проблеме беженцев.

Таковых на полумиллионный город довольно много, в основном выходцев из азиатского региона. Беженец должен представить доказательства, что он оказался здесь не в погоне за «длинной маркой», а, наоборот, сам гоним своим скверным реакционным правительством за политические убеждения. Если его гонимость не подтверждается, он не получает гражданства и его просят вернуться на родину. А если он уперся? Что, тогда его силком выдворят? Да нет, обычно в спорах проходит много времени, годы, и вопрос как-то сам собой рассасывается...

Объезд города завершен. Мы разочарованы: ни гангстеров, ни хулиганов, ни даже просто подвыпивших забулдыг. И рация молчит. Полный порядок, ордунг.

Патруль улыбается: ЧП у них — редкость. Раза два в месяц от силы.

Делаем вывод: плохо у них с преступностью.

И завидуем.

Слова, слова...

(Из записных книжек польских сатириков)

Некоторые больше всего помогают тогда, когда не мешают.

Тадеуш ГИЦГЕР.

Самовоспитание — самый трудный вид самообслуживания.

Еугениуш КОРКОШ.

Одни едят, чтобы жить, другие живут, чтобы пить.

Самое тяжелое на свете — это пустой карман.

Януш БЕЛЕЦКИЙ.

Чаще всего зеленый свет горит на пути в ад.

Ежи БИЛЕВИЧ.

Некоторые успевают отомстить еще до того, как их обидают.

Бенислав БРУДЗИНСКИЙ.

Неужели только глупость наших врагов должна быть источником нашей силы?

Ромуальд ЦАБАЙ.

Перевел И. ИЛИНГИН.

«ПАЛАНТЕ», Куба.

«ДИКОБРАЗ», Чехословакия.

— Как чувствует себя ваш супруг?
— Спасибо, очень хорошо, но думаю, что из больницы выйдет не скоро.
— Вы виделись с лечащим врачом?
— Нет, но я видела медсестру, которая за ним ухаживает.

— Вы гарантируете, что это настоящий Рембрандт?
— Да! Гарантия на пять лет!

— Джулия! Что ты будешь делать, когда вырастешь, как твоя мама?
— Сяду на диету.

В зоопарке мать говорит сыну:
— Не подходи близко ко льву, Тото! У них очень много блох!

Техасец купил сыну пистолет. Через несколько дней сын поменял его на часы. Узнав об этом, отец сказал:

— Идиот! Если теперь тебя кто-нибудь захочет ударить, то ты ему в ответ сможешь только сказать, который час!

В одном маленьком шотландском городке на кладбище есть такая надпись на надгробном камне: «Здесь покоится Джон Мактавиш, чья безутешная вдова держит отличный ресторанчик на Тайд-стрит (открыт каждый день с 8 до 22 часов)».

«Стыршел», Болгария.

В 1911 году в Санкт-Петербурге вышел сборник немецкого юмориста М. Сафира (1795—1858) под названием «Избранные рассказы» (перевод под редакцией Саши Черного), откуда и взята публикуемая нами юмореска. В одном из своих писем Генрих Гейне причисляет Сафира к даровитейшим людям Германии. Талант этого литератора ценили Гегель, Лист, Паганини. В 1837 году Сафир основал в Вене журнал «Юморист», который пользовался необыкновенной популярностью.

Мориц Готлиб САФИР

...Я ДОЛЖЕН РАССКАЗАТЬ ВАМ АНЕКДОТ

Каждый год г-н Циндельклебер стряхивает с себя несколько тысяч анекдотов. Как сливовое дерево приносит сливы, так Циндельклебер — анекдоты. Стоит его только потрясти, и они посыплются с него сотнями, даже при самом слабом ветре.

Но — сливовое дерево прикреплено к месту, и кто не хочет слив, не подходит к нему и не трясет его. А Циндельклебер не прикреплен к месту, он — странствующее дерево; если его никто не трясет, он сам себя встряхивает, и тогда на головы невинных людей сыплются зеленые, желтые, незрелые и гнилые анекдоты. Сливы имеют ядро, анекдоты Циндельклебера — никакого. Сливовое дерево зимой отдыхает, Циндельклебер приносит анекдоты — зимой, летом, осенью, весной и даже в пятое время года.

Слива каждый год приносит новые плоды, анекдоты Циндельклебера всегда одни те же! Слива с каждым годом приносит все меньше плодов, Циндельклебер с каждым годом приносит все больше анекдотов. Циндельклебер — неистовый анекдотоман, анекдотист-шавка, анекдотист-акула: когда его пасть открывается, то сразу проглатывает целое общество. Г. Циндельклебер открывает пасть необыкновенно усердно, он только и делает, что ее открывает, а если он иногда и закрывает ее, то только для того, чтобы сейчас же снова открыть.

Где живет Циндельклебер? Нигде: его царство не имеет на земле определенного места. Утром он роняет несколько анекдотов в кафе, днем стряхивает с себя анекдоты на бульваре и рассыпает их за столом, вечером мстит ими улицы, а ночью рассказывает их самому себе.

В каком обществе вращается Циндельклебер? Ни в каком — его анекдоты раздражаются как ливень над дворцами богачей и хижинами бедняков и, угрожая всему живому, как бич, проносятся дальше!

Как-то на днях я отправился в 6 часов утра на почтовую станцию проводить приятеля. Было тихо и спокойно. На улицах не было ни души. Я чувствовал себя в полной безопасности, даже ни одного газетчика еще не было видно. Там и сям сновали молочницы, которые несли молочную воду для нашего кофе. Вдруг, когда я завернул за угол, на меня, как с неба, свалился анекдотоман.

— А! С добрым утром! Куда?

— На почту.

— А, на почту? По этому поводу я должен вам рассказать анекдот. Однажды некто отправился на почту...

Он мне рассказал анекдот, который я обещал еще моему деду на его смертном одре никому не рассказывать, потому что он, в свою очередь, получил его в наследство от своего деда. Я собрался улизнуть, но Циндельклебер спросил: «Неужели вы так заняты?»

— Как видите!

— А, как видите? По этому поводу я должен рассказать вам анекдот!

И с Циндельклебера скатился анекдот, который от дряхлости даже не держался на ногах. Я помчался вперед, он за мной, обрушивая на меня анекдот за анекдотом, пока я наконец не влетел на почтовую станцию.

Еще раз это было ночью, в половине двенадцатого. Я печально возвращался домой из веселого общества, как вдруг передо мной выплыл анекдотоман.

— Откуда вы так поздно?

— С вечеринки!

— А, с вечеринки! По этому поводу я должен рассказать вам анекдот.

Он мне рассказал анекдот, который какой-то житель Помпеи рассказывал своим собутыльникам как раз в тот момент, когда их засыпало пеплом. При этом он все время держал меня за рукав (о судьбе этого рукава я расскажу когда-нибудь в другой раз) и проводил меня до дому. Я позвонил. «Разве у вас нет ключа? По этому поводу я должен рассказать вам анекдот!» Мой привратник был так стар, как анекдот г-на Циндельклебера, и спал так крепко, как будто Циндельклебер рассказывал ему только что свой анекдот; наконец он появился, и я скользнул в дверь.

Я успел уже подняться по лестнице и все еще слышал, как Циндельклебер повторял привратнику: «По этому поводу я должен рассказать вам анекдот!»

Публикация В. СУРМИЛО.

УГОЛОК КОСМОНАВТА

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЁ ЛИЦА!..

С КОРАБЛЯ НА БАЛ

Космическая связь донесла, что у одного из наших звездных странников, а именно Александра Сереброва, грядет день рождения. И Крокодил, уже общавшийся с ним минувшей зимой посредством космического телемоста, решил принять участие в предполагаемых празднествах на орбите.

Собрал он художников и поэтов и объявил открытый конкурс на лучший дружеский шарж и эпиграмму юбиляру. И хотя готовилось все это почти с космической скоростью, мы, увы, опоздали: космонавты, не дожидаясь окончания в редакции работ по подготовке ко дню рождения, приземлились.

Это, конечно, замечательно, что так ловко, так мягко сел наш звездный дуэт. Но как же быть с подарками? Выручили друзья из ЦУПа: известна ли, что на несколько часов Александр заглянет домой, там его почествуют близкие, и крокодильские подношения будут вполне кстати на этом семейном торжестве после столь долгой разлуки. А чтобы дары наши дошли до именинника наверняка, мы решили продублировать эту акцию в журнале, что и делаем, сердечно поздравляя Александра с днем рождения.

Александр СЕРЕБРОВ

Да, в жизни множество событий,
Как говорят теперь, — вагон.
Но день рожденья на орбите —
Событие из ряда вон!

Вы в космос выбрали дорогу,
Где нужен мужества гранит.
Зато теперь вы ближе к Богу,
И небо вас теперь хранит!

Желаем вам — летайте с «Миром»,
И в срок назначенный затем
Спускайтесь с «Миром» к нам кумиром
И с «Миром» сядьте — без проблем!
Евгений ВЕРБИН.

КВК «КОСМИЧЕСКИЙ»

Составил Б. ВАСИЛЬЕВ.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Вручаловка за приземление космоса. 6. Минималист. 10. Отечественный вариант многообразной живучести. 11. Сторона приписки Большой Медведицы. 12. Работник связи, испытывающий перегрузку от известности космонавта. 13. Космическая долгота Мусы Магарова и Владимира Титова. 16. Мокрое дело в пункте 9. 17. Тело, опоясывающее землю. 19. Наипервейшая космонавтка. 20. Самая притягательная геометрическая форма. 24. Пришельценоска. 25. Земная перегрузка космонавта Елисеева. 28. Самый звезданутый месяц. 30. Процесс облегчения транспортного корабля. 32. Место воссоединения неба с землей (горизонт). 33. Выходка ракетного двигателя. 34. Показатель космических полетов. 35. Чаша, в которой космонавты болеют, как все.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Вечерний солнцедар. 2. Уменьшительное топили в космическом полете. 3. Запускная мелодия. 4. Воздушный двигатель над земной поверхностью. 7. Покоритель первой космической целины. 8. Дитя Солнца. 9. Земная посадка космонавта. 14. Слово, которое до Байконура доведет. 15. Правка орбиты. 17. Финиш наземной подготовки. 18. Заправка для планшета (песенн.). 21. Выводилка пункта 10 в космос. 22. Устаревшая цель космических исследований. 23. Космодем. 26. Несушка. 27. Полетное собрание космонавтов. 29. Оборотень. 31. Примета земли, залитая огнями.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 10

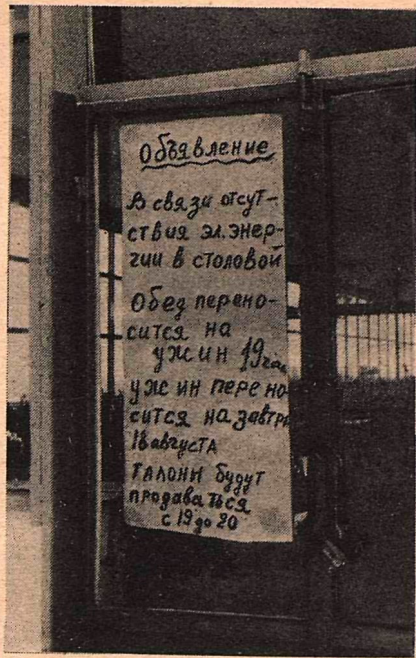
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Жаркое. 6. Глагол. 9. Вежа. 10. Подруга. 11. Трус. 14. Отряд. 15. Сосуд. 18. Дупло. 19. Нравы. 22. Лицо. 24. Кровать. 25. Орел. 26. Польша. 27. Сажени.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. База. 2. Горох. 3. Слуга. 4. Мост. 7. Немота. 8. Сундук. 12. Недотрога. 13. Насмешник. 16. Кувшин. 17. Зверек. 20. Дрянь. 21. Страх. 23. Овод. 25. Окно.

— Я же вам говорил: все планеты похожи друг на дружку!
«Ви», Швеция.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Прислал В. Цепляев, Крымская область.

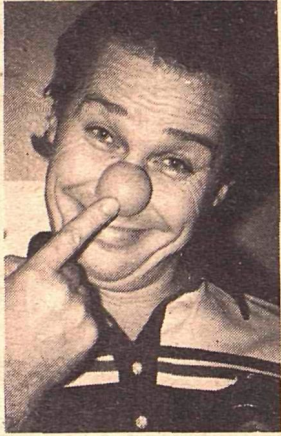

Прислал В. Юханов, г. Барнаул.

Прислал А. Юдин, г. Дзержинск.

Александр АЛЕШИЧЕВ

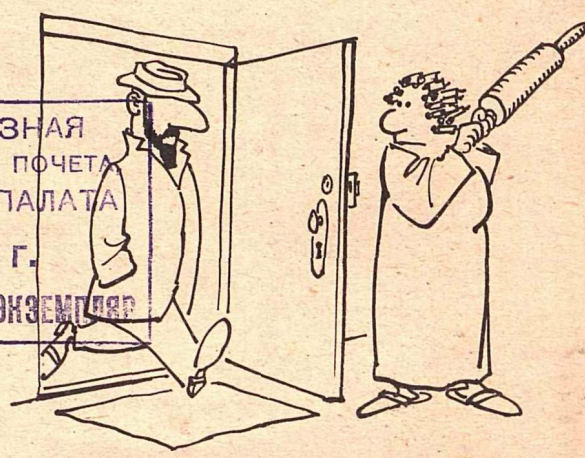
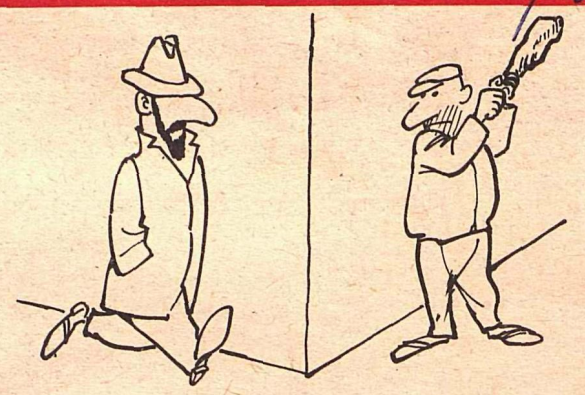
Иные скажут: «Ну к чему эта клоунская фотография?» Так ведь он и есть клоун. На арене — с 1966 года. Работал с Карандашом, Никулиным, Поповым, Берманом, Николаевым, Енгибаровым.

Последние пятнадцать лет выступает с самостоятельной программой — не только в роли коверного, а как артист оригинального жанра — изготавливает моментальные шаржи, изумляя мастерством почтеннейшую публику.

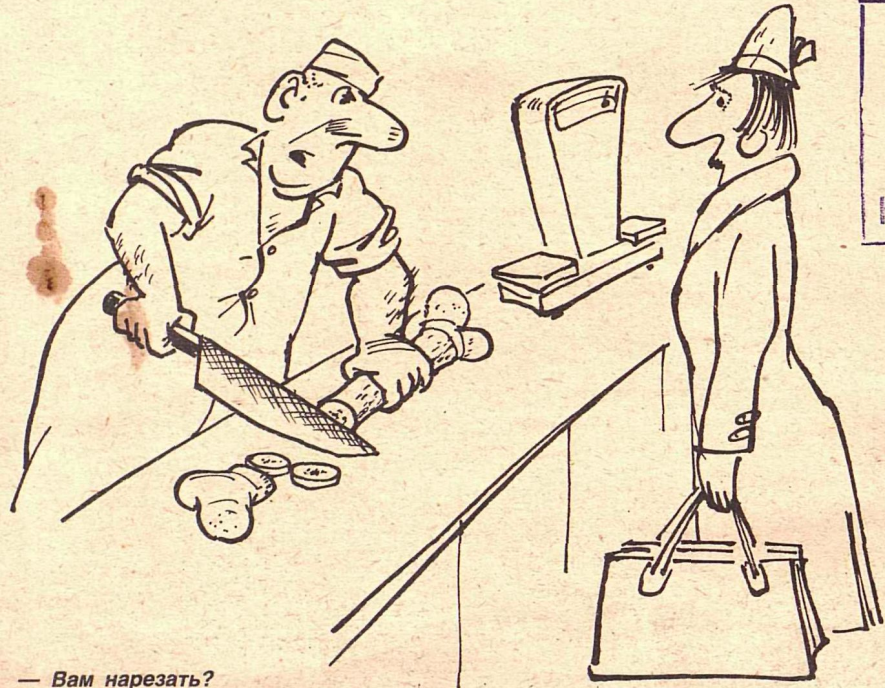
Изъездил страну вдоль и поперек. Бывал во всех городах, где только имеются цирки, — да и не по одному разу. Радовались его искусству и зарубежные зрители: в Бельгии, Польше, Швеции, Японии, Монголии, Вьетнаме, Лаосе, США. Обладатель приза радио и телевидения Японии за успешные гастрольные выступления, лауреат I Всесоюзного фестиваля циркового искусства.

Пробовал прикинуть, сколько всего наработал шаржей. Получилась круглая цифра — пятьдесят тысяч. Весомо? И под стать юбилею: только что Александру Алешичеву стукнуло пятьдесят.

А читатели «Крокодила» (да и прочих сатирических изданий Союза) хорошо знают его рисунки. Как правило, это чистый юмор, веселый и добрый, как сама профессия клоуна.

ВСЕСОЮЗНАЯ
ордена „ЗНАК ПОЧЕТА“
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
1990 г.
КОНТРОЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

— Вам нарезать?

